

Твои не родные

Автор:

Ульяна Соболева

Твои не родные

Ульяна Павловна Соболева

Когда-то мой бывший муж выгнал меня на улицу с младенцем на руках и бросил на произвол судьбы. Я научилась справляться сама, а он вдруг появился в моей жизни снова и лишил средств к существованию, вынудив согласиться на любые унижительные условия ради дочери, которую так и не признал своей. В оформлении обложки использована фотография автора andre2013 (Volha Kliukina), ресурс depositphotos. Лицензия # 117898936. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

– Анечка, мне очень жаль.

– Но как же так, Валер? Мы... мы ведь неделю назад с тобой говорили, и ты заверил меня, что это только слухи! Что никто и ничего не выкупит. Что мэр города не даст разрешение на строительство, потому что здесь столько людей работает.

Я с трудом сдерживала слезы, но они предательски жгли глаза и драли в горле. За стенами кабинета Валеры орудовали какие-то люди и выворачивали шкафчики и ящики столов. В здании уже началась генеральная уборка, а бывшие работники еще отходили от шока после стремительного увольнения. А кто-то еще не отошел. Как я. У меня внутри все заходило от мысли, что я

теперь безработная. Валера стоял возле стола и складывал в картонную коробку свои вещи. Кажется, он даже похудел за эти дни, и его чуб уныло свисал на одну сторону лица. Видно, тоже сильно нервничал. Периодически заглядывала его секретарша Ляля и спрашивала, что отвечать тому или другому из уволенных работников. Он отмахивался от нее и постоянно отключал звонки в своем мобильном.

– Неделю назад Аркадий Александрович рассчитывал, что ему удастся погасить кредиты. Ты знаешь, что такое рейдерский захват, Ань? Нас просто поставили перед фактом, ему ничего не оставалось, как уступить. Надавили сверху на мэра. Притом торговый центр – это всегда престижно для города. Тем более, когда за землю дают намного больше, чем она стоит.

Я знала, что он прав и не лжет мне, но только легче мне от этого не становилось, у меня сердце сжималось в камень, что я осталась без работы и уже нигде не найду такое место с нормальной зарплатой, чтоб хватало и за квартиру заплатить, и ребенка прокормить. У нас в городе с этим очень туго.

– А... а мне что делать? Мне ребенка как содержать? Она же... она же особенная у меня. А за квартиру платить? И за садик?

– Ну выплатят пособие, Ань. Вроде обещали.

– Какое? Копейки за три года работы? И когда? Вы же объявили себя банкротами. Почему сам Силантьев не принимает у себя людей? Струсил, да?

– Силантьев в больнице в предынфарктном состоянии. Его это подкосило. Аня, всем трудно. Никто не кайфует от этой ситуации. Мне, правда, очень жаль. Но на данный момент я ничего не могу сделать.

У меня началась паника, и я в растерянности металась по кабинету начальника отдела кадров и по совместительству моего бывшего одноклассника, который меня сюда и устроил три года назад. Им требовался экономист. Меня взяли с моим неоконченным высшим, благодаря Валере. А теперь куда мне идти с комбината? Конечно, ему жаль, как бы не так, ведь он уезжает в столицу – его Силантьев с собой забирает. А около ста человек просто изгнаны на улицу, вот так без предупреждения, без выплат. Только в нашей стране такое может быть, только у нас вот так можно с людьми, как и с животными. И все безнаказанно.

– Я-то что могу сделать, Ань? Это ж не я тебя увольняю. Если бы я мог помочь тебе. В столице сам не знаю, как все будет. Компанию выкупили, и мы ничего не можем изменить. Нам поступил приказ нового хозяина всех уволить. Найдешь работу, Ань. Не конец же света.

Для меня это был конец света, для меня это был апокалипсис. Мне за квартиру на днях платить, я рассчитывала аванс попросить.

– Куда? Уборщицей? Официанткой? Тут рабочих мест раз и обчелся. Ты сам знаешь. Да и куда мне, из-за малой я не могу на ночные. Черт. Не слушай меня. Мысли вслух. Я просто в шоке.

Я села на стул и лицо руками закрыла. Надо успокоиться, взять себя в руки и подумать.

– Ань, ну хочешь я денег дам? Сколько есть.

– Не надо. Тебе самому семью содержать. Ты и так устроил меня сюда. Спасибо тебе. Прости, я знаю, что ты не виноват... просто я в отчаянии.

Слезы смахнула тыльной стороной ладони. Мне Машу нужно было в соседний город везти к специалисту, и в садике тоже оплату подняли. Даже не постеснялись сказать, что, если что-то не устраивает, я могу и в государственный идти, а нас... нас в государственный не берут. С нашей проблемой. Я и так все деньги на квартиру эту и на сад.

– Посиди здесь, Ань. Я воды принесу. Ты не расстраивайся так. Говорят, строительство быстро закончится, и здесь столько рабочих мест добавится, что в городе прирост населения начнется.

«А сейчас? Что мне сейчас делать?»

Он вышел из кабинета, а я подняла взгляд на телевизор на стене, где работал городской канал, и сейчас передавали новости. Как раз показывали наш комбинат, а потом объемный «три д» проект торгового центра и спортивного комплекса, который собирались построить на этом и прилегающих участках. Чтоб он сгорел, их проект, и тот, кто все это затеял, вместе с ним.

– По проекту планируется так же снос пятиэтажек старого образца по улице Коминтерновский и Метрозаводской. С жильцами уже ведутся беседы о купле квартир по хорошей цене. Тем более Егор Александрович Шумаков лично обещал, что уже осенью будет предоставлен проект новостроек... и наш город выйдет на новый уровень.

Я медленно подняла голову и почувствовала, как слезы стеклом застыли в глазах. Я ушам свои не верила, только сердце моментально отреагировало на имя и фамилию. Так болезненно отреагировало, что я широко открытым ртом воздух глотнула, а закрыть уже не могла. Меня словно два раза сильно ударило, сначала в солнечное сплетение, а потом прямо в сердце. Я воздух хватаю, а выдохнуть не могу. И болью все тело скручивает... почему? Почему именно сейчас и именно он? Я не готова. Я не ожидала. Это слишком жестоко.

Смотрю на высокого мужчину в светлом костюме с глазами стального цвета именно того холодного оттенка, который бывает у лезвия ножа. Когда я последний раз в них смотрела, они резали меня намного больнее, резали так, что у меня до сих пор все шрамы рваные и кровоточат.

Взгляд цепкий, как у хищной птицы, и это лицо с широкими скулами и неровным, несколько раз сломанным носом. Такое родное когда-то и совершенно чужое сейчас, с появившимся налетом цинизма и ледяного холода. Им так и веет от его пристального, тяжелого взгляда. Замораживает развороченные и незажившие раны, жжет их азотом. Так смотрят те, для кого люди всего лишь мусор под ногами. И я не верю, что его волновали блага города. Только деньги, как и всю его семейку. Ведь все можно продать и купить. Человека можно стереть, словно и не было его никогда. Как будто он умер, и похоронить живьем, утрамбовать могилу чистыми, сверкающими ботинками и наплевать на то, что там под землей кто-то в отчаянии бьется, кричит и умоляет дать сказать... хотя бы одно слово. Но палач на то и палач, чтобы безжалостно приводить приговор в исполнение. Мой палач был ко мне безжалостен и особо жесток.

А когда-то мне его глаза казались до безумия красивыми. Я посмотрела в них первый раз, и из моей памяти исчезли все другие, которые видела до него. Любила так, как любят только первый раз – взахлеб, до безумия, до исступления

Я все еще видела его по ночам... и просыпалась в слезах, проклиная предателя. Потому что время не лечит. Нет у предательства сроков давности, как и у боли

его нет. Она бессмертная и беспощадная в своей непредсказуемости. Когда вдруг набрасывается диким, голодным зверем и треплет добычу, пока кости не начинают хрустеть и слезы не кажутся кровавыми. Если бы не моя девочка, я бы задохнулась под теми комьями грязи, что он обрушил на меня, я бы не выдержала. Но она не дала сломаться, выбора мне не оставила.

Первый год я коляску ночью катала туда-сюда в своей однушке и выла, кусала подушку, чтобы дочку не разбудить... я тогда еще не знала, что ее просто так не разбудишь. У меня денег на кроватку не было. Потом, когда на работу Валера устроил, одна из девчонок из бухгалтерии мне свою отдала.

Со временем я научилась справляться. Даже умудрялась на двух работах работать. Разносила газеты с Машей в перевязи и мыла офисы тоже с ней вместе по вечерам. Если б еще мамочка моя жива была, но к тому моменту прошел почти год с ее смерти. Нет возраста для сиротства. Оказывается, себя чувствуешь сиротой и в девятнадцать, и потом в двадцать пять, и до конца жизни, наверное. Когда не к кому прийти и голову на груди спрятать, или склонить на колени, чтоб просто рыдать навзрыд, орать от переполняющего безумия. А тебя просто по голове гладили и тихо шептали:

«Ничего, доченька, все хорошо будет, вот увидишь. Ты справишься, ты же у меня сильная. Видишь, у тебя теперь у самой дочка есть».

Я ее голос у себя в голове слышала, когда раскачивалась с малышкой из стороны в сторону, не видя ничего перед собой из-за слез. Выла и думала, как он там живет... без меня с девками своими, с сукой этой мамочкой его, которая меня возненавидела с первого же дня, как он привел меня к себе домой.

Живет и не вспоминает о нас... И лучше бы не вспоминал. Только я в совпадения никогда не верила. Спустя пять лет этот человек вдруг появляется в моем городе и покупает тот комбинат, на котором я работаю, и оформляет под снос тот дом, в котором я живу. И я с ужасом понимаю, что приватизировать я квартиру так не успела, у меня после маминой смерти не хватило нужных документов и денег. Полина Алексеевна из ЖЭКа обещала помочь, но она на днях в Германию с сыном уехала и даже не позвонила мне. Сколько времени пройдет, прежде чем нас выставят на улицу. В нашем захолустье никто не претендовал на квартиру, все люди уезжали в соседний очень крупный город, поэтому я не тряслась за свои четыре угла... пока сейчас вдруг не поняла, что я останусь на улице. Никто мне уже не даст приватизировать жилье, если дом

собрались сносить.

Домой я ехала как в каком-то тумане, меня даже слегка пошатывало, и перед глазами лицо его мужественное с грубым подбородком, гладко выбритые широкие скулы и спрятанная в чувственных губах ухмылка. От ненависти заболели кости и сводило скулы. Мне хотелось найти где-то пистолет и застрелить его, или заколоть ножом. Приехать в ту студию или под здание мэрии и убить его. Я ведь специально годами себе не позволяла думать о нем, слышать и видеть. Знала, что не отпустило, знала, что стоит голос услышать, и боль обязательно вернется.

На экране за него говорила какая-то его шестерка, а он пару раз посмотрел на дорогие часы и затем снова в камеру своим коронным взглядом, не моргая прямо в душу. И я этот взгляд на повторе вижу снова и снова, как и голос репортера, которая задавала ему вопросы и кокетливо улыбалась. Вспомнила, как он в очередной раз вскинул руку и на безымянном пальце блеснуло кольцо, а меня как бритвой по сердцу, несколько раз и инстинктивно тронуть свой безымянный... когда-то там тоже было колечко. Подаренное моим бывшим мужем Егором Шумаковым. Он содрал его с моего пальца и вышвырнул в окно... спустя несколько месяцев я ползала под теми окнами, чтобы найти и продать, у меня еще не было работы, пропало молоко, я тогда думала, что Маша ослабла от голода и поэтому не кричит, а соседи стучали мне в стены.

Приехала домой, поднялась на пятый этаж, отыскивая ключи в сумочке, но дверь оказалась приоткрытой. Я зашла и остановилась на пороге – по квартире рыскали какие-то люди. Мужчина и женщина. Он осматривался по сторонам, а она что-то писала в толстую тетрадь. Соседка, которая с Машей оставалась, тут же бросилась ко мне.

– Это из управления. Уже занялись выселениями вплотную. Твари.

А меня от злости тряссти начинает, я бросилась к ним и закричала:

– Вон пошли отсюда! Воон! Это моя квартира! Не смейте сюда заходить! Мояяяя!

– Вы чего разорались тут?! Квартира не ваша, у нас все документы имеются.

– Вон! Вон отсюда! Убирайтесь. Ничего вашего здесь нет! Ничего нет!

Я толкнула его в грудь, и худой мужичек с оспинами на щеках попятился назад.

– Пойдемте, Нина Андреевна. Чокнутая какая-то. С полицией в следующий раз придем.

Когда за ними захлопнулась дверь, я бросилась к шкафу, распахнула его и схватила в охапку Машу, сильно прижала к себе, когда она обвила меня руками и ногами. Она очень боялась чужих. В силу своего недостатка внезапное появление кого-то, кого она не знала, очень сильно ее нервировало.

– Не их это все. Наше. Никто нас отсюда не выгонит.

А у самой слезы по щекам текут, и болью все тело скручивает, потому что знаю – отберут. Вопрос времени – когда. Но в любом случае очень скоро. И я понятия не имею, куда мне идти с ребенком.

– Анечка, ты не расстраивайся так. У нас поживешь сколько надо. Места всем хватит. Мама только об этом и говорит весь день. Они с тетей Людой сколько лет дружили.

Я киваю и Машу глажу там, где пробор между косичками, это ее всегда успокаивает. А кормить они нас тоже на свои деньги будут? А к врачу мне как ехать? Что ж оно так вместе все.

– Ладно. Я пойду маме ужин нагрее. Ты заходи, если что, хорошо?

– Да, Машутку уложу и зайду. Иди-иди. Спасибо тебе.

– Все плохо там, да?

Я опять кивнула и с трудом сдержалась, чтоб не разрыдаться. При Маше не хотелось, она всегда вместе со мной плачет. На кухню ее понесла, сумку поставила, сотовый достала, а там смска от Валеры:

«Я сегодня с Шумаковым разговаривал. Рассказал о твоей ситуации. Позвони ему – вот номер. Он сказал, что найдет для тебя пару минут».

От ярости я швырнула телефон на стол и шумно выдохнула, потом посадила дочь на стул и жестами спросила:

«Хочешь, я кашу манную сварю?»

Улыбается, впереди одного зуба нет, волосы из косичек выбились, и я не могу не улыбнуться в ответ.

«А сгущенка есть?»

«Есть»

«Тогда давай свою манную кашу и сгущенку с печеньем»

Глава 2

Я не могла рассказывать ей сказки, но я могла прикоснуться к ней и бесконечно долго прятать за ушко пряди ее волос, пока она не уснет. Моя мама делала точно так же, когда я была маленькая. Придвигала стул к моей кровати и по волосинке перебирала мои волосы у уха, пока я не усну.

Это не значит, что Маша не знает сказок. Она совершенно нормальная и умненькая девочка. Она уже знает алфавит, ей пришлось его учить раньше, чем обычным детям, потому что мы с ней вместе учили язык жестов. Я – онлайн, потом показывала ей, и она запоминала. Компьютер первым делом взяла в рассрочку, когда Валера устроил меня на комбинат. В соседний город ездила в спецучреждение для глухонемых. Психолог помогла мне и рассказала, как вести себя с Машей. Я была настолько занята работой и поиском способов выжить, что я очень долго не замечала, что с моим ребенком что-то не так, и что плачет она

тише, и что ее не будит перфоратор за стенкой, и что на улице она спит безмятежным сном под гул и шум общественного транспорта. Меня некому было учить, некому рассказывать и подсказывать. Ни друзей, ни мамы, ни родственников. Так вышло. Отца я своего не знала, а мама честно сказала, что забеременела, потому что очень хотела ребенка, а с мужчинами у нее не сложилось. Она сама детдомовская, не привыкла ни готовить, ни убирать, ни мужчин привлекать. Родила меня почти в сорок. Всю жизнь сама то по общежитиям, то в коммуналке. Когда я появилась, ей выдали вот эту вот однушку. У нее была я, у меня она, и нам никто не был нужен. Замуж она так и не вышла, не хотела, чтоб у меня был отчим. Когда мама умерла, я поняла, что никто и никогда меня не будет так любить, как она любила, и мой мир уже не станет прежним. У меня была только Маша, как у моей мамы я.

Я собиралась горы свернуть, но сделать ее счастливой, насколько могла. И поначалу это счастье заключалось в том, чтобы мне было чем ее кормить, во что одеть и куда уложить спать.

Когда ОН выставил меня за дверь, то швырнул мне денег в конверте на дорогу. Я швырнула их ему обратно. Дура. Любой бы сказал, что я дура. Потом в ломбард пошла и заложила сережки, которые мама на выпускной подарила. За эти деньги мы и доехали домой. В нашу с мамой квартиру, где все потом напоминало о ней: каждая вещь, каждый цветок на старых обоях и даже запах въелся в стены.

Ее запах. И от одной мысли, что все это будет разбивать какая-то равнодушная машина, разбивать мои воспоминания, мое детство, сгребать в груды разноцветного мусора, безжалостно давить все, что мне дорого, у меня внутри все начинало саднить и болеть.

Посмотрела на спящую Машу и снова на вышитую мамой картину, на шторы, которые она сама сшила. Бросила взгляд на свой сотовый. Схватила его и стерла смску Валеры. Черта с два я пойду к нему! Время он для меня найдет. Ублюдок! Самоуверенный, богатый, наглый мерзавец и подонок. Жить, видно, не смог, зная, что нам хорошо без него, что мы ни разу у него ничего не попросили, не приехали и встреч с ним не искали... Приперся, чтобы проехаться по мне танком еще раз, чтобы кости мои раздробить окончательно в пыль. Скотина! Ненавижу его! Как же я его ненавижу!

И я лгу... искала. Ездила несколько раз в город, чтоб его увидеть. Да, идиотка, жалкая, достойная презрения. Стояла зимой через дорогу в старом пуховике с низко надвинутым капюшоном и плакала, слезы на морозе замерзали, а он из машины с женой своей будущей тогда вышел. Красивый, как всегда шикарно одетый, улыбается своей белозубой улыбкой и смотрит на нее... вот этим взглядом, от которого у меня дрожали когда-то колени и скручивало низ живота. Теперь он так же смотрит на кого-то другого, голосом своим шепчет им то, что шептал мне. И тогда хотелось убить их обоих, перебежать через дорогу и долго бить ножом и его, и ее. Отомстить, причинить ему боль, чтоб понял – каково мне с израненным, исколотым сердцем жить дальше. Но дома осталась Маша, моя маленькая девочка, от которой этот подонок отказался, едва я вернулась из роддома, у которой никого кроме меня не было. Я не имела морального права опуститься. А через время поняла, что он не достоин того, чтоб я из-за него села в тюрьму, и слёз моих не достоин. И все равно плакала по нему. Первое время каждый день. Упаду без сил на кровать, качаю коляску и плачу. Ничего из-за слез не вижу.

Маше было чуть больше шести месяцев, когда я заподозрила, что с ней что-то не так. Я тогда убирала в квартире, она игралась в стульчике для кормления, а я мыла окна, неловко стала на подоконник и свалила горшки с цветами, они с грохотом разлетелись по полу, а Маша продолжала играть с кусочками хлеба, макая их вместе с пальчиками в кашу. У меня все внутри похолодело. Я уже нарочно свалила еще один горшок, а она даже голову не подняла, а потом посмотрела на меня и улыбается. Я спустилась, медленно подошла к ней и хлопнула у самого лица в ладоши, а малышка не вздрогнула и не моргнула.

Я рыдала и целовала ее, прижимая к себе, вспоминая все те разы, когда она не реагировала на громкие звуки. Потом было обследование в другом городе и понимание, что мой ребенок не такой, как все, и что мне придется учиться с этим жить. А сейчас я к этому даже привыкла, и мне не казалось чем-то особенным и ненормальным. Я не замечала ее недостаток. Но из государственного садика нас просто выдавили. Психолог написала (не без ведома заведующей), что Маша отстает в развитии, ходит под себя и ведет себя неадекватно. Им, видите ли, не хотелось портить статистику таким ребенком, как Маша, и другие родители на нее как на прокаженную смотрели. Их дети, видите ли, боятся тех звуков, что издает моя немая малышка. Нам сказали, что мы должны идти в спец сад. Конечно, должны, только в нашем городе его нет. А переезжать мне не за что и жить будет тоже не на что. Здесь все же работа и даже подработка по вечерам – репетиторство с соседской девочкой по математике.

Тяжело выдохнув, подошла к зеркалу, посмотрела на свое отражение. Глаза опухли от слез. Как давно я не плакала? С тех пор, как смирилась с тем, что мы с Егором никогда больше не будем вместе, и он не приедет, не извинится и не заберет нас с Машуткой к себе. Да, я верила первое время, что приедет. Узнает, что все ошибка, и будет просить прощения.

Да, я представляла себе сотни раз, как он умоляет меня забыть каждое его слово, забыть пощечины и то, как рычал мне в лицо, тряс проклятыми бумагами, а потом ими же отхлестал по лицу, и то, как выставил из дома. А я... я от шока ничего не могла сказать... потому что никогда его таким не видела.

Но шли дни, а он не ехал... шли месяцы, шли годы. Он просто вычеркнул нас и продолжил жить дальше, не прошло и пары месяцев, как он женился.

Бумаги о разводе мне привезли за неделю до его свадьбы. Деньги решают все. Там даже была не моя подпись. А кому я что-то докажу? У меня денег на колбасу и хлеб нет, а на адвокатов тем более. Государственные – скажет кто-то? Он купит любого. И частного, и государственного, и их родителей вместе с их домашними животными, и бабушками с дедушками.

Мне так и сказал его шестерка, который приезжал за месяц до этого. Тот самый, что когда-то зонтик держал, когда я выходила из машины, лебезил и во всю рассыпался комплиментами. Я его выгнала и расписываться не собиралась, хотя мне предлагали деньги. Я отказалась. Впрочем, кто вообще ожидал моего согласия. Мне всучили документы в руки и посоветовали даже не дергаться. Я и не собиралась.

Я видела его свадьбу с ней... издалека. Мне это было нужно. Я пришла за порцией адской боли, чтобы выдрать его из своего сердца. Это была ампутация без наркоза наживую ржавой пилой. Я смотрела на нее в белом платье, на него в белом костюме и истекала кровью, стоя на тротуаре напротив Дворца Бракосочетания, откуда он выносил меня когда-то на руках и шептал мне:

«Моя девочка... никогда не разлюблю. Моя. Вся моя. Слышишь? Нютка, ты мояяя теперь».

Моя... моя... моя... эхом насмешки звучит где-то в проводах над моей головой. Кажется, что на предателя должны обрушиться небеса, но светит солнце, щелкают фотокамеры, и Егор несет на руках другую женщину, она громко смеется, а я... я рыдаю изнутри. У меня траур. Ведь он только что так жестоко убил во мне любовь, только умерла она все равно не в тот день... ее агония была долгой и мучительной. Иногда мне казалось, что эта сука все еще живая и прячется где-то в темноте. Выжидает вместе со своей подружкой болью, чтоб впиться в меня голодными ртами и напомнить, что я от них не избавилась.

Сотовый запиликал снова, и я бросила взгляд на дисплей.

«Ты ему звонила?»

Я ничего ему не ответила, положила сотовый в сумочку и села за стол, закрывая лицо руками. И еще одна смска. Как назло, не дает успокоиться, подумать.

«Светлова, ты меня игнорируешь? Я ради тебя, между прочим, старался. Можешь и дальше молчать. Все. Я умываю руки. Это уже слишком, Аня».

Плевать. Ты все равно уезжаешь утром. Слишком или нет – не тебе судить. Это я одной ногой на улице с ребенком, а не ты.

Я не уснула в эту ночь, так и сидела за столом, налила чаю себе и маме и проговорила с ней до утра. Может, кому-то это покажется странным, а я иначе не могла, я бы сошла с ума, если бы запретила себе это делать. У меня в голове она мне отвечала и даже давала советы. Как раньше. Как всю мою жизнь, пока она была рядом.

Потом почти под утро вскочила из-за стола и начала переворачивать все документы, складывать их в папку. Посмотрела в конвертик в маминой тумбочке – там неприкосновенные деньги на специалиста и обследование в другом городе. Решительно достала их оттуда, пересчитала. Мало, конечно. Но это и все, что у меня есть на сегодня. И если потребуется, я заплачу кому нужно и оформлю эту проклятую приватизацию. Святая наивность. Какая же я дуручка. Я забыла – с кем имею дело и с кем связалась. Точнее, я тогда просто не представляла, кем он стал и на что способен. А нужно было это учитывать, чтобы не было снова так больно разбиваться об острые рифы реальности.

Оставила Машу с Таней и поехала в центр, полная надежды, полная веры хоть в какую-то справедливость... Мне казалось, что, если я расскажу, как мне тяжело, покажу документы о том, что у меня ребёнок инвалид, надо мной сжалятся. Да, я была готова давить на жалость чиновникам. Я верила, что среди них есть просто люди. Я ошиблась. Там, где дело касается денег, людей практически не остается – только ходячие банкоматы. И она разбилась вдребезги, когда мне показали документы о том, что моя квартира приватизирована вчера неким Черняковым, а сегодня продана Шумакову Егору Александровичу. Все документы заверены нотариально. И я усмехнулась – перед глазами, как дежавю, мои документы о разводе. Тоже официальные, с печатями и даже с моей подписью.

– Вам нужно освободить квартиру до завтра до двенадцати часов дня.

И все. И никакие конвертики, никакие взятки не помогут. Я, наверное, побледнела, как полотно, и облокотилась о стенку. Всем было на это плевать. Люди вообще любят не замечать чужие проблемы, все видят только свои. Зачем задумываться, отяжелять собственные мозги, заставлять совесть вылезать из захламленного угла и немного ею пользоваться, если удобно ее запинать куда подальше и жить в свое удовольствие. Моя хата с краю. И презирать тех, кому не повезло, смотреть этим сочувствующе-презрительным взглядом, от которого хотелось забиться в угол и спрятаться, чтоб никогда и никто не видел, как мне больно. Чтоб не смели жалеть.

А потом шла по улице с шарфом в руках и не знала, как я сейчас приду домой. Как выдержу это все. Как расстанусь со всем, что есть в этой квартире? И куда мне идти? Тех денег, что у меня есть, хватит лишь на пол месяца. И все. И потом улица. Даже если я поживу у Тани с тетей Соней, то мне все равно нужно где-то работать и питаться, Машеньку кормить.

Внезапно мне посигналили с дороги, и я инстинктивно отодвинулась в другой край тротуара, не оборачиваясь. Посигналили снова. Я обернулась и, увидев джип, ускорила шаг. Стало не по себе, потому что машина продолжала за мной ехать, а потом резко выехала вперед на тротуар. Я остановилась, прижимая сумочку к груди, а из джипа вышли двое мужчин ростом под два метра в черных классических костюмах и двинулись на меня быстрым шагом. Они молча подхватили меня под руки и затолкали в машину. Я не то что не успела сопротивляться, я даже закричать не успела, у меня от ужаса голос отнялся и ноги занемели.

Они меня грубо затолкали на заднее сиденье и сами сели впереди, а я, тяжело дыша, замерла, даже не оборачиваясь на того, кто сидел рядом. Потому что знала – это ОН. Мне даже смотреть не нужно было. Я его кожей почувствовала, каждой клеточкой своего тела. Запах его узнала. Он не изменился за столько лет. Тот же парфюм, тот же аромат дорогих сигар и его собственный. Тот самый, который невидимым клеймом остался на коже, въелся в волосы и в мозги. Ненавистный запах предателя. Сердце кольнуло такой болью, что я стиснула пальцы, впиваясь ногтями в ладони и чувствуя, как больно дышать становится рядом с ним. Нет, у боли нет срока давности. Эта сука бессмертна.

– Ну здравствуй, Анна. Не люблю просить дважды. Люблю все получать сразу.

Он вообще не любил просить. Он всегда брал то, что хочет, выдирал с мясом, отрывал с корнями. Не отказывая себе в удовольствии наблюдать, как кто-то прогибается под его желания и интересы. Когда-то меня сводила с ума его самоуверенность, его властность, его могущество и то, что такой мужчина обратил внимание на такую, как я. А сейчас я ненавидела его так сильно, что от этой ненависти ломило все тело.

– Что тебе надо?

Жалкий вопрос, сериально-глупый. Но ничего другого в голову не приходит.

– Тебе передали, что мне было надо, но ты решила меня проигнорировать.

Я так и не смотрела на него. Краешком глаза видела руку с двумя печатками – одну на среднем пальце и другую на большом. Белый манжет с серебристой пуговицей. Вены на запястье, аккуратные ногти и сильные, нервные пальцы.

– Нам не о чем говорить.

– Да ладно. Разве ты не хочешь попросить меня о помощи? Меня заверили, что ты в ней прям-таки нуждаешься.

С каждым его словом в грудной клетке увеличивалась боль, она давила изнутри так сильно, что мне хотелось закричать и впиться в него ногтями. Этот голос... как бы он не звучал сейчас, моя проклятая память реагировала на него. И

кончики пальцев начинали дрожать от понимания, что вот она и состоялась – та встреча, которую я представляла себе первые несколько лет. Но он не просит прощения, а я ненавижу его еще более люто, чем тогда. Ненависть, как и любовь, крепнет с годами. Она до невероятного постоянна.

– Я в тебе не нуждаюсь, как и не нуждалась все эти годы.

Усмехнулся, я, скорее, угадала, чем услышала. Я даже увидела ее мысленно, как прячется в его губах и сверкает из-под густых бровей стальной взгляд. Когда-то я смотрелась в его глаза и наслаждалась своим отражением в светло-серой туманной дымке, которая густела и превращалась в обжигающую ртуть, когда он смотрел на меня с голодом. Мне и сейчас хотелось поднять голову и... увидеть вблизи за столько лет.

– Ну что ты, маленькая моя, конечно же нуждаешься.

Издевательский тон, вкрадчивый и обманчиво спокойный голос. «Маленькая моя» ты не имеешь права меня так называть. Не смей никогда больше! Не твоя.

– Это все ты, да? Зачем?

– Если я скажу, что соскучился, ты поверишь?

Почувствовала, как коснулся волос на затылке, а я отпрянула к окну и сжала челюсти до боли. И в эту секунду Егор вдруг сжал пальцами мои волосы и насильно развернул к себе, заставив посмотреть в свое лицо и задохнуться от этой близости. Задохнуться от того, что он нисколько не изменился. Только возмужал, и возраст сделал черты его лица еще резче и выразительней.

– На меня смотри, когда я с тобой говорю. Мне в глаза. Я сказал, что соскучился по суке, которая наставила мне рога пять лет назад. И знаешь – это правда. Я всегда был честным с тобой.

– Сочувствую, – пошевелила губами, вспоминая тот раз, когда он смотрел на меня точно так же, как на тварь или мерзкое насекомое.

– Нет, моя девочка, это я тебе сочувствую. Лучше бы я о тебе забыл, правда?

Держит сильно за волосы и гладит скулу согнутым пальцем, а я не могу смотреть на него. У меня адский диссонанс, потому что его образ и то, что он мне говорит... это ведь было не про нас. Ведь когда-то он умел смотреть на меня иначе. Когда-то он ласкал меня этими пальцами и этим голосом.

- Правда. Чего ты хочешь? Ты ведь чего-то хочешь, верно?

Пожал плечами, а сам все так же смотрит - глаза сузились и на скулах желваки дергаются.

- Ты знаешь, вначале просто хотел купить этот комбинат. А потом... потом мне захотелось купить тебя. Почему бы и нет? Почему не я?

- Денег не хватит.

- Хватит, Аня. На такую, как ты, много и не надо, но я готов раскошелиться. Например, купить твой дом. Все здание, и снести на хер. Или не дать тебе устроиться на работу и смотреть, как ты загибаешься.

Он побледнел, пока говорил мне все это, его черты заострились, а серые глаза потемнели на несколько оттенков.

- Не смей. У меня ребенок...

- Я помню, что ты не просто мне ставила рога, а еще и принесла мне свою нагулянную дочь и пыталась уверить, что она от меня. Так значит, придется прийти и попросить. У меня есть деньги.. У тебя...

Опустил глаза в вырез моего платья, приподнял одну бровь и усмехнулся криво своими чувственными губами.

- Могло быть и лучше. Я думал шлюшки ухаживают за собой, поддерживают товарный вид. Но, видимо, спрос низок и товар не востребован.

Замахнулась, но он перехватил мою руку и завел ее за спину. От ярости и ненависти начало драть в горле и ломить ребра. Ненавижу подонка!

– Я подожду, Аня. Я умею ждать. Ты приползёшь. Я тебе обещаю. На коленях.

Наклонился через меня, открыл дверь и вытолкнул меня из машины на тротуар.

– Мой номер найдешь, когда решишь, что готова поторговаться. Не забудь завтра выехать вовремя из моей квартиры.

Визжа покрывками, джип рванул с места, а я, тяжело дыша, так и стояла на дороге, не обращая внимания на то, что меня объезжают машины и сигналият мне. Я все еще не верила, что этот разговор был, я все еще не могла понять, о чем он был.

А потом начала задыхаться, хватаясь за горло, согнувшись пополам. Я не верила, что он сказал мне все это. Не верила, что это вообще происходит на самом деле. Сердце как сжалось, когда я его увидела, и больше не разжималось. Болезненно стучало, каждый удар оглушительно сильный.

Не попрошу. Я буду искать работу. Уборщицей пойду, а его ни о чем не попрошу. На три работы устроюсь. Суку пусть свою покупает, на которой женат.

Глава 3

У меня с ней не было нормального знакомства, не было узнавания, не было ничего из того, что принято. Ни дерганий по клубам, ни знакомства через соцсети, она не была знакомой, у которой я перетрахал всех подружек и переключился на нее.

Я ее встретил на остановке. Да, я, тот кто никогда не вылезал из своей спортивной тачки и ласково называл ее «куколка», увидел свое персональное исчадие ада с ангельской внешностью на гребаной автобусной остановке. Стоял на светофоре, кивал в такт басам, постукивая пальцами по рулю, на утро после вечеринки в клубе Карла. Фашист умел устраивать умопомрачительные совершенно оторванные зверские тусовки. Я обводил скучающим взглядом эти трущобы, где жила какая-то девка, с которой я познакомился вчера ночью и

каким-то образом оказался на ее съемной квартире в заднице мира. Что я делал с ней ночью, я не помнил, но на утро она решила, что это надолго, и я унес оттуда ноги, оставив несколько стодолларовых купюр на оплату съема гнезда.

И увидел ЕЕ. Сидит на скамейке с какой-то книжкой на коленках. На макушке хвост. Волосы вьющиеся цвета спелой пшеницы, ветер треплет ее тонкое платье, обнажая стройные ноги в мокасинах и белых носках. Я посмотрел на эти носки, и у меня встал. Мгновенно, без раскачки. А она кончик ручки покусывает, а я завис. Просто выпал из реальности. Ничего более сексуального, чем ее белые носки и пухлая нижняя губа без следа помады, прижатая погрызанным концом пластмассы, никогда в своей жизни не видел. Мне сигналили, а я вздернул средний палец и продолжал стоять, и смотреть на это чудо посреди хаоса.

На дороге из-за нее пробка, а она не от мира сего в книгу свою уставилась. Я никогда читающей девушки не встречал. Музейный экспонат. Автобус подъехал, она встала со скамейки, а у меня в горле пересохло от вида стройных ног и какой-то невесомости во всем ее образе. Чистоты какой-то. Чего-то порочно-ангельского. Я к другому привык. И умом понимаю, что одета с рыночного лотка, и что мокасины ее дешевка, и носочки эти дурацкие, и рюкзак джинсовый потертый, а меня ведет, прет меня. Слово кто-то подошел ко мне и в грудь загнал ржавый кол. И все. И больше нет никакого пути назад. У кого-то любовь, у кого-то страсть, а у меня все всегда не как у людей – у меня свое проклятие. Не важно – как ее зовут, не важно – где она живет, не важно – кто она и кто с ней. Она для меня сделана.

Когда потом ночью, нагнул на лестнице Ирку и толкался ей в рот вздыбленным членом, собрав ее светлые крашенные волосы в хвост на макушке и удерживая, пока яростно вбиваюсь ей в глотку, представлял эти долбанные белые носочки, кончик ручки и длинные закрученные кверху пушистые ресницы. Кончил с рыком, и пока она сглатывала, вытирая слезы, подошел к раковине, набирая номер одного своего приятеля компьютерного червя, вечно онлайн, вечно на сотовом.

– Сань, привет друг. Да так, охрененно. Отрываемся в Радлене. Мне бы пробить маршрут 12 автобуса. Тут не ловит сеть нормально. Пробей для меня все остановки и пришли. Давай. Отблагодарю.

Посмотрел на кокетливо улыбающуюся Ирочку и хлопнул по заднице, а когда она приподнялась, чтоб поцеловать, увернулся и толкнул дверь на

танцплощадку. Я тогда был безбашенным. Мне казалось, что я бессмертный, и все вокруг бессмертные. Я только доучился и начинал работать вместе с отцом в его финансовой компании. Я был беспечно счастливым человеком, оторванным, безумным, зеленым и не подозревающим, что в один день можно сдохнуть, но продолжать функционировать и даже делать карьеру. Что живые мертвецы – это не выдумка обдолбанного голливудского режиссера – это реальность. Моя реальность.

Саня скинул мне маршруты смской, и одна из остановок была – Экономический Государственный Университет. Скорее всего, туда ехала.

Я поднялся, как придурок, по будильнику, и уже в восемь пятнадцать стоял напротив остановки с кофе в термостакане, глазами, как у зомби, и сигаретой в зубах. Ждал свои белые носочки. Она пришла минут через пять в джинсах с дырками на коленях, тем же хвостиком и опять в носочках. Фигура, как у фотомодели, ноги длинные, округлая попка и грудь небольшая высокая. Лицо это идеально-кукольное, на него смотришь и не моргаешь. Нарисованная, что ли.

Такие бывают? Настоящие они? Снова учебник какой-то достала, сидит читает, в ушах наушники, ногой в такт двигает. Лямка какой-то тонкой майки с женским лицом на груди сползла с плеча, и у меня опять сушняк от вида ее груди, вздернутой под тонким лифчиком, как после дичайшего перепооя, и стояк, словно не трахался годами. Потом я перся за ее автобусом. И провожал глазами, когда шла к серому зданию универа. Умом понимаю, что это нездоровое что-то, а сам сидел еще какое-то время в машине, потом приехал после обеда и ждал, когда выйдет.

Я таскался за ней около недели. Ночью все те же клубы, тусовки, девочки, днем отцовский офис и взгляд, как у имбецила, потому что не выспался ни хрена. Потому что в проклятые восемь пятнадцать стоял на остановке. И, да, я не подходил к ней. Почему? Не знаю. Она была где-то там в белых носочках, а я здесь в своей компании. И ни черта общего у нас с ней не было. А еще мне казалось, она меня пошлет.

Через неделю я влез в ее автобус и поехал вместе с ней к ее универу. Всю дорогу на нее смотрел уже с близкого расстояния, и у меня дух захватывало, накрыло и не отпускало. Она с кем-то по телефону говорит, и я, как маньяк, прислушиваюсь к каждому ее слову, к каждому вздоху. А она меня не замечает. Даже не знает, кто я. Все в городе знают, а она полный ноль. Не в теме

совершенно. Да и куда ей в тему – она по ночам спит, а днем в универ свой ездит и на танцы какие-то.

Нет для нее реального мира. У нее свой какой-то. Там нет грязных клубов, сосущих на лестницах бл**ей, кокаиновых девочек и мальчиков, латентных самоубийц и тому подобной херни. В ее мире белые носочки, майка с Мерлин Монро, мороженое пломбир и дешевые китайские наушники. Она поет вслух, когда думает, что ее никто не слышит, ездит на велосипеде, а летом уезжает в какую-то деревню к какой-то тете и, о боги, ковыряется в огороде. Меня засмеют... и мне насрать. Она же божественна. Но все было потом. После того как она стала моей.

Я с ней выходил на остановках, водиле своему деньги в карман и прыгал в тачку, в офис ехал. На Ирочку больше не стоит, на Леночку тоже. Ни на кого не стоит. Я ее хочу. До боли. До ошизения. Так что яйца поджимаются от одной мысли, что губу ее полную трону кончиками пальцев. Чисто хочу. Нежно. И сердце в груди рвано прыгает из стороны в сторону, когда о ней думаю.

Познакомился с ней, как в кино. Она куда-то ездила, а я у дома ее сидел, ждал под окнами. Психовал. Решил – подойду, и все. И ни хрена, в сиденье машины врос. Не могу, и все. А к ней какой-то урод приставать начал. Я месяц следом хожу, я смотрю на нее и подойти не могу, а какой-то лысый мудак в реперской куртке и кроссах за руку схватил. Меня переключило. Сам не понял, как сцепился с ним. Бил, как озверевший, а он меня. Только я реально его избивал, а он защищался. Но меня заклинило, и я не мог остановиться, пока она не оттащила.

– Хватит... не надо. Вы его убьете. Не надо. С ума сошли? Это сосед мой. Он урод, конечно, моральный, но я б и сама справилась.

Справилась бы она. Хрупкая, тоненькая, воздушная. Потом на лавке вытирала мне кровь с лица водой из пластиковой бутылки, а я от счастья дрожал. Вблизи еще красивее, кожа молочно-белая, на переносице несколько веснушек, и пахнет от нее клубникой. Не духами какими-то крутыми, а ягодами. Потом оказалось, и правда, клубнику ела. Тетка проездом ехала, и она на вокзале ее встретила, клубнику домой несла. Меня тоже угостила.

– Спасибо. А меня Аня зовут.

И улыбнулась. Я вдруг понял, что до этого момента не жил никогда, вообще не был человеком.

- Егор.

- Хотите клубнику. Свою. Сладкая-пресладкая.

И я жрал с ней на лавке клубнику из банки, слушал, как она смеется, и, бл*дь, какие на хер клубы, какие Ирки. У меня Нютка появилась. Я влюбился. Насмерть.

Бросил окурок в темноту и залпом отпил из бутылки виски. Свет так и не включил, ходил по кабинету в темноте. Пил, и не брало меня. Я ее лицо за пять лет вблизи впервые увидел и понял, что ни хрена я не вылечился. Что я не просто болен, а гнию заживо, и только сейчас с меня спал весь грим, и я увидел, как кишит червями моя душа.

Пять лет. Я запрещал себе к ней приближаться и вспоминать эту суку ровно пять лет. И все эти пять лет я не хотел знать – ни где она, ни что с ней, ни как она живет. Я убеждал себя, что нет ее, умерла. Я даже похоронил ее мысленно на городском кладбище... наверное, я мог бы ее убить. Если бы не ребенок. Ее ребенок не от меня.

Лживая, подлая тварь змеей влезла в мое сердце, в мою семью и выдрала его своими тонкими пальчиками с розовыми ноготками. Выставила жалким роганосцем, насмехалась за моей спиной. Жила рядом и... бл*****дь, как же не задохнуться... и умилялась тому, как я трогаю ее живот и говорю с чужим, мать ее, ребенком. Натраханым на стороне с ее любовником. Хотя, когда я давил ее тонкую шею, она сипела, что не знает чей. Хотя пару раз осмелилась все же утверждать, что мой. Пока я ее не ткнул лицом в результат анализа. Третий, сука, результат. ТРЕТИЙ! Потому что я поверить не мог... потому что я не хотел умирать. Но все же это была агония.

Когда я увидел ее снова... я вдруг понял, что хочу ее на коленях. Чтоб стояла на полу и умоляла меня простить ее и дать ей денег, дать ей жить, дать ей дышать. Я не вынашивал планы мести, но я носил букеты на ее могилу в своей душе и каждый раз останавливал себя, чтобы не начать ее откапывать. Я не искал ее. Она нашлась сама, как бумерангом возвращающееся проклятье.

Когда списки работников на увольнение получил... фамилию увидел, и все. Меня накрыло. Так люди срываются, когда вдруг дорываются до дозы наркотика. Смертельного. От которого однажды чуть не загнулись. И я захотел ее впрыснуть себе в вену, и пусть все горит синим пламенем.

На коленях ее хочу. Там, на полу у моих ног. Зарёванную. А может, и залитую моей спермой не единожды. Какого хера я должен отказать себе в удовольствии?

Впервые за долгие годы я мастурбировал и представлял ее на четвереньках с поднятым ко мне лицом, залитым слезами. Теперь я мог купить всю ее, город в котором она живет, и каждое заведение, которое имеется в этом гадюшнике.

Я снова за ней следил. Сам себе не верил, что делаю это. Думал, что изменился за все эти годы, думал, время меня изменило и пусть не вылечило, но по крайней мере я больше не зависим от этого смертельного чувства, которое я закопал внутри. Когда ее девичью фамилию увидел, попросил личное дело, едва открыл, и все. И нет пяти лет. И не было никогда. Я только вчера получил нож в спину и только вчера вытолкал ее из дома, а сам ломал пальцы о стены и крушил все вокруг себя. Потрогал шрамы на фалангах и тыльных сторонах ладоней. Затянулись, остались лишь тонкие белые полосы и увеличенные косточки. Тело заживает и регенерирует, а душа не имеет такого свойства, если ее разодрать в клочья, она уже никогда не срастется. Так и будет вся в дырах. Мне моя напоминала решето.

В тот год, когда я расстался с Аней, Шумный, которого знал весь город, сгнил живьем и больше не родился. На свет появился некто Егор Александрович Шумаков. Ему пришлось восстать из пепла и доказать всем, что его стоит уважать и бояться. Я резко остался один – через полгода после развода с Аней погиб отец в автокатастрофе, а мать впала в кому и по сей день лежит почти овощем в спецучреждении. Компания, в которой я был всего лишь вольным слушателем на заседаниях совета директоров, стала только моей, и я ни хрена не сообщал в том, как она устроена и как работает. Поналетала куча

стервятников, как на падаль. Еще на похоронах начали предлагать деньги. Ставки, как на аукционе, кто больше даст. А я в шоке. Для меня смерть отца была неожиданной, стремительной. Я не был готов остаться один со всей этой машиной, которой он управлял на протяжении всей своей жизни.

Но я бы ее не продал. Сдох бы, но не позволил тронуть. За считанные месяцы я выучил о ней все. Макарыч, помощник отца, ввел меня в курс дела, и уже в следующем году я сам заключал сделки, которые принесли первую прибыль за месяцы простоя. Некоторым особо настырным пришлось показать, что переходить мне дорогу чревато испорченным здоровьем, а иногда даже инвалидностью или банкротством.

Я влился в тот мир, где нет слабости, нет компромиссов, есть стадо и загоняющий его хищник. Есть своя иерархическая лестница и, если не выдрать место под солнцем зубами и когтями, тебя быстро затолкают в нишу «третьего мира», а потом и вовсе «солят» более крупному предприятию. Я не вылезал из офиса и командировок, не давал себе передохнуть. Ночью спал по четыре часа. Ложился под утро, чтоб отрубиться и на хер не думать об этой суке перед тем как уснуть, иначе она мне приснится. А она снилась все равно. Часто. Я бы предпочел никогда, но у моего подсознания были на этот счет свои планы, и оно выдавало мне ее в разных ракурсах. Но всегда неизменно красивую. Нежную. С этим пронзительным взглядом ярко-синих глаз. Нютка-незабудка. Незабываемая и неубиваемая тварь. Бессмертная. А какие в них появлялись кристально чистые слезы, и я все... я был согласен для нее на все. Я мог бы для нее убивать, если бы попросила, но она была слишком жалостливой. Или играла роль. Умело, талантливо, гениально.

Иногда снилась в моих объятиях, голая, извивающаяся подо мной пока я яростно вхожу в ее тело, закинув ноги на плечи, и тону в этой бездне незабудкового взгляда. Смешно, но я и цветов-то таких не знал. Она показала. Нравились они ей. Ане вообще нравилось все простое, то, на что нормальные девушки не смотрят. И меня именно это с ума сводило.

Мне казалось, что никто и никогда не будет любить меня, как она. Идиот. Любовь делает людей слепцами, глухонемыми моральными инвалидами с ампутированным разумом.

Меня любили и другие женщины. Моя жена, мои любовницы, мои шлюхи. Любили по-разному – кто-то мой член, кто-то кошелек, кто-то мою физиономию. Были те,

кто любил все вместе – это моя благоверная, на которой я женился в состоянии аффекта, как говорит Фашист. Женат я был до сих пор, детей она мне так и не родила, и, если честно, я не особо хотел. Я пытался ее полюбить. Честно пытался. Она неплохая, умница, красавица, в делах фирмы разбирается, не лезет никуда, мозг особо не выносит. А я смотрю на нее, и раздражает в ней все от кончиков выкрашенных белых волос до кончиков ее матовых белых длинных ногтей. Я бы развелся, но меня крепко переплело с фирмой ее отца, мы вместе разрабатывали четыре проекта новостроек и торговых площадок в четырех провинциальных городах, где не было даже нормального детского парка. И пока я не выжму из этих проектов все, что мне нужно, о разводе не может быть и речи. Кроме того, она поддерживала мой статус – Елена Шумакова.

В наш дом ее привела моя мать.

«Познакомься, сынок, это Леночка. Дочка Арсения Федоровича Добронравова».

Леночка, которую потом я ставил раком в уборных клубов или ничком укладывал на капот своей машины, а иногда и просто давал в рот, чтоб спустить побыстрому и не париться. Оказывается, отец давно вел дела с Добронравовым, но я в это не вникал. Потом пришлось вникнуть и не только в это. Потом пришлось иногда забывать, что я человек, подминать под себя компании. Сносить жилые дома, выкупать по дешевке квартиры. Мир большого бизнеса жесток и несправедлив. Впрочем, как и сами люди. Я этому научился еще в юности, когда мне сломали нос за то, что у меня крутой рюкзак. Мажорам было принято вправлять мозги. Пришлось доказывать, что не всем, и идти на бокс.

И не было ничего способного выбить меня из равновесия кроме этой дряни. Посмотрел в личное дело, потом поехал к ее дому. Увидел вживую. Знаете, что значит удар в солнечное сплетение? Сильный и неожиданный, когда ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я рот раскрыл и вцепился в руль. Смотрел, как она идет по тротуару. Стройная, худенькая в скромном платье, и волосы по спине вьются локонами. У меня свело пальцы. До онемения. Захотелось их в ее локоны погрузить и ощутить, какие они наощупь. Я тогда Валеру сам набрал. С ним все дела вел. Начальник его едва узнал, что мне комбинат слили, после того как он отказался его продавать, слег в больницу. И как я понимаю, выходить оттуда уже не собирался, да и боялся, что люди его на вилы насадят. Он ближе и доступней, его легче линчевать, чем меня.

У Валеры про нее спросил. Сказал, если заставит ее мне позвонить, отблагодарю. Тот уверил, что она позвонит, безвыходное у нее положение. Конечно, безвыходное – я ее со всех сторон обложил. Все ходы ее просчитал прежде, чем Валере звонить.

Но она не набрала меня ни вечером, ни потом утром. И меня скрутило еще сильнее, до ломоты в костях. Я захотел ее увидеть. Это стало навязчивой идеей.

А увидел и понял, что не отпущу. Хочу эту суку рядом с собой, и не важно каким способом, не важно как. Она приползет ко мне. Одного только не ожидал, что рядом с ней самого так накроет, что контроль начнет из рук уплывать. Что истосковался настолько, что меня трясет с ней рядом, как наркомана. По привычке волосы ее тронул, а когда дернулась, у меня ненависть девятым валом поднялась. Держу ее за затылок, а у самого в висках пульсирует похоть зверская. Взять ее. Распластать на сиденье, порвать платье и войти в нее, кусать ее маленькие груди, жадно лизать соски и вдыхать ее запах. Окунуться в это море, принять свой кайф и ощутить, как он потек по пересохшим венам. Будь я один в машине, я бы взял, и насрать, что она не хочет. Я ее так хотел, что у меня яйца опухли и член болезненно в ширинку упирался. И воспоминания... они меня доконали. С ума свели. Наяву ее хотел. Тронуть, впиться в нее, вгрызться и не выпускать.

Но это было неинтересно. Мне захотелось, чтоб она пришла сама. Чтоб она свернула свою гордость бл**ую в кулак и пришла просить. Меня подбрасывало от одной мысли, что Аня снова будет рядом со мной. Я собирался купить ее себе и доказать ей, что она продажная шлюха. А еще я просто маниакально хотел быть рядом с ней. До трясучки и до адского исступления. Иметь на нее все права. Трахать ее, когда хочу. Увезти из этого Урюпинска... Я поиграюсь и уничтожу ее. Размажу по асфальту. Как она меня когда-то.

Ни «прости», ни «прощай», ни «дай мне шанс, Егор». Ни черта. Просто уехала. Наверное, договорилась со своим уродом встретиться... только он не явился. И уже никогда и ни к кому не явится. Ему железной кувалдой перебили хребет. Он теперь растение без ног и без члена.

Я отхлебнул виски и ответил на входящий звонок, стараясь сфокусировать взгляд и говорить нормально.

– Да, Артем. Куда? Неплохо. Зайди завтра к ним, непосредственно к директору, и передай от меня личную просьбу, очень убедительную – не брать на работу. Если твоя убедительность будет недостаточной – добавь еще немного, чтоб стало приятней принимать решение. Если и это не поможет, намекни, что иногда человеку хватает для нормальной жизни и девяти пальцев на руках.

Говорю, а перед глазами фото из личного дела, и я невольно веду по ее уменьшенной копии большим пальцем.

Как же я любил тебя, Нютка, боготворил. Поставил тебя выше себя самого и молился тебе изо дня в день. Счастью не верил своему. А ты во мне пробудила чудовище, и не знаю, каких оно достигнет размеров во мне, пока не нажрется твоей крови и плоти.

Снова зазвонил сотовый, на входящем имя жены и ее фото.

– Да.

– Помешала?

– Нет.

– Из госпиталя звонили, маму перевели в больничное отделение, ей стало плохо. Завтра утром я к ней поеду. Не хочешь вернуться домой?

– Нет, Лена, не хочу и не могу. Займись этим. Я буду благодарен.

– Я соскучилась по тебе, Егор.

Мой палец все еще трогает снимок Ани, и внутри поднимается торнадо злости. И я соскучился... но не по ней. А по твари, которая забыла, как я выгляжу.

– Сходи в душ и представь, что я тебя трахнул. Можешь это сделать два раза.

– Ты что пьян?

– Трезв, как стекло. Когда будешь мастурбировать, смотри не выложи в инстеграм.

– Сволочь, какая же ты сволочь.

– Ты хотела эту сволочь в мужья. Радуйся и наслаждайся сбывшейся мечтой, Ленусииик. Мы узаконили наш минет в туалетах и секс на лестницах клубов.

Она отключила звонок, а я отшвырнул сотовый и снова отхлебнул из горлышка виски. Шатаясь подошел к окну. И не прошло пяти лет, как я снова бухаю в одиночестве из-за это суки, и мне хочется сдохнуть.

Нодохнуть нельзя. Самое интересное только начинается.

Глава 4

– Вы же только вчера сказали, что я вам подхожу? Что не так? У меня ведь и письма рекомендательные есть, и я согласна на любую смену.

– Девушка, не надо устраивать истерик. Администрация магазина оставляет за собой право, как брать на работу, так и увольнять, и уж точно решать – кому отказывать и когда. Удачи вам в дальнейших поисках.

– Это вы из-за ребенка-инвалида меня не берете, да? Так у меня есть няня, и я не беру даже больничных.

Женщина из отдела кадров местного небольшого супермаркета (имя я не запомнила) посмотрела на меня из-под очков, ее рыжие волосы напоминали щетку из отдела хозяйственных товаров их же супермаркета, а толстый слой тонального крема не прятал неровности кожи, а подчеркивал. Но думаю, ее это не слишком волновало. У некоторых есть такой стиль, чем больше грима, тем красивее.

Тонкие губы, покрашенные темно-вишневой помадой, сложились бантиком.

– Девушка, вы нам просто не подходите. И ваш ребенок тут не при чем. До свидания.

Опустила голову к своему смартфону, а у меня глаза запекло слезами. Это было уже третье место, куда меня не взяли. Место, где требовались работники без высшего образования, любого возраста и без рекомендаций. А именно я не подхожу, и все. Куда еще идти, я не знала. В голову даже ничего не приходило. Но я знала, что обойду все доступные места в этом городе, но работу найду. Назло этому гаду. Он не разрушит мою жизнь еще раз, пусть он смог выжечь внутри меня все дотла, но Маши это не коснется.

– Прошу вас, пожалуйста, я согласна на любую работу, не обязательно продавцом. Можно уборщицей или товар раскладывать.

– Послушайте, – медленно выдохнула, – что ж вы так все усложняете? Хорошо, я вам отвечу – директор магазина посмотрел вашу анкету и сказал не брать вас ни на одну вакансию. Понимаете? Вообще не брать именно вас. Я понятия не имею почему. Может быть, вам виднее? Будь моя воля, я б вас взяла с руками и ногами. Нам очень нужны ответственные работники, а то приходят вечно то алкаши, то молодежь. Сплошная текучка. Повышать некого. Все новенькие.

И тут меня как обожгло раскаленным железом – это же он. Это Егор так поступает со мной. Это он, проклятый предатель, приказал не брать меня на работу или заплатил, чтоб не брали. Обещал ведь, что никуда не устроюсь и приползу к нему на коленях. Сволочь. Что ему нужно? Столько лет прошло. Зачем все это? Неужели его ненависть настолько сильна? Шумаков не смог смириться с тем, что я смогла выжить после того, как вышвырнул меня на улицу?

Тяжело дыша, вышла из магазина и прислонилась к стене, щурясь от осеннего солнца, чувствуя, как слезы в глаза лезут, как непреодолимо хочется зарыдать. Давно я не оказывалась в таком безвыходном положении и не чувствовала себя такой беспомощной. С тех пор как оказалась во дворе огромного дома Шумаковых с дочкой на руках, и перед носом закрылись массивные ворота. А когда постучала обратно, рыдая и умоляя выслушать, мне сказали, что, если не уйду, на меня спустят собак.

Так и шла по улице, чувствуя, как дрожат на ресницах слезы и все скручивается внутри в узел от страха, что работу так и не найду.

Прошла мимо неоновой витрины ночного клуба. Потом вернулась и посмотрела на вывеску. На щитке нарисована стриптизерша с голым задом, танцующая у шеста. Несколько секунд смотрела... решительно открыла дверь и вошла в темное помещение с вьевшимся в стены запахом сигарет и ванили, как в салонах автомобиля. Над потолком крутятся неоновые шары, сверкают лучи света, мигают гирлянды.

– Вы к кому?

Из темноты вышел худой парень в узких джинсах с длинными белыми волосами и двумя косичками вместо челки. Руки «забиты» цветами и шипами.

– Я по поводу работы.

Осмотрел с ног до головы, приподнял проколотую бровь.

– Ну идем, раз насчет работы.

Домой приехала через час... и остановилась возле здания, медленно сгибаясь пополам и прижимая к животу обе руки. Почему-то стало больно именно там. Где-то в районе солнечного сплетения. Какие-то люди вынесли мои вещи к мусорке. Мебель, картины, шторы. Поскидывали все в кучу, как хлам. Кто-то копошился рядом, и двое бомжей утаскивали стулья и коврики. Задыхаясь, я даже не могла закричать. Только подскочила к бомжам, начала их расталкивать, молча, ничего не видя от слез. У меня даже голос отнялся. Потому что среди вещей ярко-красным пятном выделялся связанный мамой свитер. Мой любимый красный свитер. Одна из оборванок схватила его и завязала у себя на бедрах, а я рот приоткрыла и не могу закричать. Потом заметила, как один из мужчин вытащил из кучи мамину икону, вышитую золотистым бисером. И все. И у меня просто сорвало все планки. Я бросилась к нему и вцепилась в картину руками.

Дернула на себя.

- Пошла вон - это наше! - заорал мне в лицо, смердя вонью от гнилых зубов и перегаром, - мы первые увидели. Сукааа, вон пошла. Людкааа, убери от меня эту тварь бешеную, у меня руки заняты.

А я вцепилась в мамину картину и пыталась вырвать ее из грязных рук мужичка в порванном свитере и коротенькой шапке, видя, как перекашивается злобой его одутловатое лицо с синяком под глазом.

Внезапно набежали такие же оборванцы, как и он. Но я не боялась, меня переклинило, и я впилась в картину мертвой хваткой. Мне казалось, что, если я ее выпущу, я предам маму. Эта икона память о ней для Маши. Потом почувствовала резкую боль в затылке, и в глазах потемнело.

«- Мам, я влюбилась. У него глаза такие серые, как сталь, и ресницы длинные, как у девчонки. Мааам, он красивый.

Ее лицо сквозь туман, и она кажется мне на много лет моложе, склонилась надо мной и по голове гладит. И я счастлива и в то же время плачу.

- Глупая, моя девочка, любимые всегда кажутся красивыми.

- Нееет, он, правда, очень красивый. Я таких никогда не встречала. Мам, у него морщинки возле глаз в уголках и кожа смуглая, он такоооой сильный и умный.

- Кажется, и правда, влюбилась. Осторожней, Анютка, мужчину нельзя любить слишком сильно. Оставь кусочек себя себе. Не отдавай целиком и полностью.

Улыбается. Мамочка, какая же ты красивая, когда улыбаешься. Я так соскучилась по тебе.

- Не могу, мам. Он уже все забрал. Меня там нет.

- Не говори такие страшные вещи.

- Что ты, мама, там есть он. Везде во мне внутри. Особенно тут. Где сердце.

– Когда внутри так много кого-то, может стать очень пусто и больно, когда вдруг окажется, что его там никогда и не было.

– Нееет, такого не может быть. Он тоже меня любит. Я знаю. Я чувствую. В глазах его вижу.

– Моя маленькая дуручка, как плохо ты знаешь мужчин.

А она вдруг начала растворяться, становиться прозрачной, и я хватаю пальцами воздух, а голова раскалывается от страшной боли.

– Плохо, да... плохо, мам... очень плохо. Он ведь меня бросил... и ты бросила. Почему ты меня бросила, мама?

Она головой отрицательно качает. Слезы мне вытирает. Я ее тронуть не могу, а она меня трогает.

– Что ты, моя хорошая. Я всегда рядом. Просто ты меня не видишь. Только во сне.

– Не вижу... не чувствую. Не слышу. Вернись хотя бы на один день.

– Я здесь. Просыпайся, милая. Слышишь меня? Я здесь. Открой глаза... просыпайся, Анютка. Тебе надо проснуться. Тебя Маша ждет».

Раскрыла глаза, глубоко втянув воздух, и увидела над собой лицо соседки Сони, мамы Татьяны, и Варечки ее внучки, а рядом с ними еще двое соседей – один с собакой, которая обнюхивает мое лицо и лизнула в нос.

– Анечка, с вами все в порядке? Мы уже скорую хотели вызывать? Эти алкаши сбежали, когда Антон Михалыч с Наполеоном вышел и разогнал тварей.

Я медленно села на земле, чувствуя, что руки влажные, посмотрела – они в крови, пальцы порезала, а картины рядом нет. Выдрали-таки. Антон Михалыч помог мне подняться на ноги, Соня отряхнула подол моего платья, а Варечка подала мне шарфик.

- Хорошо, что сумочку не сорвали.

Я смотрела на них, а лица расплывались, размазывались. До меня еще не доходило, что вот все, что было мне дорого, валяется на свалке. И мне больше некуда это отнести, убрать, забрать.

- Выселили изверги, да?

Я кивнула, сжимая сумочку и стараясь при всех не разрыдаться.

- Так, ты не расстраивайся. Мы кое-что и к себе забрать можем, пока жилье не найдешь. Да, девочки?

Женщины активно закивали.

- Заберем, а что. Я на балконе сложу.

- У меня в кладовке место есть.

- У меня места особо нет, но я могу забрать и у себя сложить картины, гардины и еще кое-какие некрупные вещи.

Я повторяла «спасибо», а у самой в голове звенит и кажется, что весь мир снова рухнет на осколки и никогда не станет прежним.

За час мы разнесли мое барахло по соседям. Тетя Соня перебинтовала мне пальцы. Маша помогала Варе - носила мамины рисунки и ее наборы для вязания и нитки. Складывала в шкафчике. При ней мне пришлось взять себя в руки и не рыдать. Но она все и так понимала. Обхватывала мое лицо ладонями и заглядывала мне в глаза.

- Не плачешь? - жестами.

- Не плачу.

- Точно.

– Точно.

Пригрозила мне маленьким пальчиком, а я сгребла ее в охапку и зарылась лицом в золотистые кудряшки. Если бы не она, я бы, наверное, не выжила. Я бы не справилась. Все же женское счастье заключается именно в детях, и чтобы не произошло, именно в них и сокрыт смысл жизни. И когда кажется, что раскрошило в пыль и уже никогда не подняться на колени, приходится собирать всю волю в кулак и подниматься. Жить ради них.

– Я нашла работу, тетя Соня.

– Ну вот. Не так уж все плохо, моя хорошая. Попей чаю. Я заварила мяту и листья смородины. Все свое. Люда любила мой чай, царство ей небесное.

Меня слегка передёрнуло. До сих пор не могу смириться, когда о маме так говорят. Это о ком-то другом. Мама живая. Она просто куда-то уехала, куда-то, где мы пока не можем встретиться.

– И когда выходишь?

– Сегодня в ночную.

– И что это за место такое, что ночью надо?

– Хорошее место. Я потом все расскажу. Вчера вот тоже вышла, и сразу уволили.

А сама Машеньке хвостики поправила и на колени посадила к себе.

– Как Маша себя вела без меня? Татьяну вашу не доставала?

– Нет, ты что. Машутка нам, как и Варенька, родная. Мы с Людой тридцать лет душа в душу. Семья мы.

А мне стыдно стало, что на голову им свалилась. Старшая дочь тети Сони им Варю привезла на время своей командировки вместе с мужем – у них общий бизнес, и я на голову свалилась с Машей на неопределенный срок. И платить особо пока нечем.

Пиликнул мой сотовый. И я на автомате достала его из кармана и тут же вся внутренне сжалась в камень.

«И как с работой? Тяжело? О «панели» не думала? Туда всех берут»

Глава 5

– Я разве говорил, чтобы вынесли ее вещи?

Схватил за шиворот Заверина и вдавил в стену.

– Говорил, чтоб глаз с нее не спускали? Говорил, мать твою?

Протащил по кабинету и, схватив за затылок, ткнул рожей в монитор ноутбука. Так и придержал сплюснутым носом в экране. Хотелось еще поелозить, но я разбил ему нос, и вытирать потом дисплей после его кровавых соплей мне не хотелось.

– Что это? Что это такое? Как это могло произойти? Как ты, урод, мог допустить, чтоб это рванье ее тронуло? Ты где был?

На экране бомжи выдирали из рук Ани вещи, а какая-то баба с пропитой рожей и клочками волос на голове ударила ее бутылкой из-под водки по затылку. Когда я это увидел, мне захотелось убивать. Нет, не сраных бомжей, а тех уродов, которых я к ней приставил следить и вести ее. Бомжи и так трупы на прогулке. А этим тварям я плачу немалые деньги, чтоб все делалось, как я приказал.

– Полчаса. Мы... отвлеклись на полчаса. Никто не думал, что она на свалку пойдет.

– А тебе просили думать? Ты здесь не для того, чтобы думать – я думаю за тебя, а ты делаешь, но у тебя не хватает мозгов даже на это.

Отшвырнул его на пол и дернул воротник рубашки. То жарко, то холодно. Она в моей жизни двое суток! За эти двое суток я уже больше не был собой.

– Значит так – все, что эти твари растащили, найти и привезти ко мне. Все до мелочей, ясно?

Он кивал, быстро вставая с пола и одергивая пиджак.

– Ясно, Егор Александрович. И мы это... мы дальше следили, она на работу устроилась.

Я медленно обернулся, чувствуя, как руки сжимаются в кулаки.

– И куда?

– В Каприз.

Я ударил кулаком по столешнице с такой силой, что по ней расплзлись трещины, как паутина, быстро разрастающаяся в размерах.

– Куда? – переспросил, глядя на тонкие нити и откалывающиеся кусочки.

– В Каприз... Мы... мы не думали, что туда пойдет, с хозяином еще не говорили и...

Я потер сбитые костяшки пальцев, посмотрел на сочащиеся сукровицей ссадины. Примерно так же у меня саднило внутри при упоминании ее имени. Одна только фамилия в списках, и моя жизнь остановилась, и я понесся под откос на дикой скорости. Переломанный, перебитый и сросшийся заново моральный инвалид в жутких шрамах и рытвинах. И я, как тот Дориан Грей, смотрю на себя в зеркало и вместо своего лица вижу уродливое месиво, а вместо кожи тонкую изъеденную кислотой пленку.

– Мы можем отправиться туда прямо сейчас и разнести это заведение в щепки.

– Не можете. Я не давал такого указания.

Подхватил со спинки кресла свое пальто и сотовый со стола, Заверин поплелся следом за мной. Хлюпает разбитым носом. Да, хук у меня все еще весьма силен. Носы хрустят на ура. Я хотел увидеть это лично. Ее там среди блядей у шестов или где-нибудь в вип-комнате. Увидеть и снова понять, что это просто драная шлюха, которая притворялась при мне маленьким и чистым ангелом. И до сих пор, когда вижу ее, мое сердце сжимается болезненно сильно так, что кажется – вся кровь из него хлещет фонтанами из тех самых дыр. Идиот, а ведь я даже предположить не мог, что она пойдет в такое место... у меня там, на уровне подкорки она и всякие гадюшники вместе не сочетались, но суки всегда сношаются по подворотням. Она и тогда себе нашла любовника из таких же, как и сама. Когда увидел мразь, не смог удержаться, чтоб не сломать ему челюсть и нос.

Запрыгнул в тачку сам. Злость поднимается из глубины души. Темная, вязкая и очень липкая. Бурлит и вскипает, как смола. Педаль газа вдавил, и мотор зверем взревел под капотом, а мне кажется, что вот так же внутри меня мечется какая-то обожжённая кипящей смолой тварь без глаз, носа и рта. Мечется и раздирает меня изнутри когтями.

Бросил машину у входа, и плевать, что закрыл там несколько тачек озабоченных упырей, пришедших подрочить на девочек или получить вип-обслуживание. Хотя в этом зачуханном городе вряд ли вообще понимают значение слова вип. Это здание, которое только с фасада светится неонами и требует основательного ремонта. Мне уже прислали и имя владельца, и чем он дышит.

Постоял две секунды на пороге, давая черной вязкости поползти по венам и отравить меня изнутри, и распахнул резко дверь. В ноздри ударило запахом табака, освежителем воздуха, смешанными ароматами парфюма и пота. Наркотой и сексом. Окинул взглядом сцену, на которой извивались голые шлюхи в одних чулках и туфлях на каблуках такой длины, что казалось, они на ходулях. Вертят задницами и наклоняются так, что их подкрашенные гениталии сверкают в неоновых вспышках. Народ верещит. На сцену летят купюры. А я хотел было прямиком наверх к начальству... но едва ступил на первую ступеньку лестницы... остановился. Голос ее услышал. Отчетливо. Как будто рядом со мной стоит, обернулся и оторопел... И в голове...

«Егор... Егорушка мой... мой... мой. Ты соскучился по мне?». Вместо привет она всегда спрашивала – «ты соскучился по мне?».

Спиной стоит в каких-то лосинах, длинной белой футболке, и драит плитуса тряпкой, одновременно говоря по сотовому.

- Не, Танюш, не устала. Вроде пока терпимо. Спина, конечно, ноет, а так нормально. Работаю. Начальство аванс обещало, как раз тете Соне заплачу. Та ну, перестань, вы ж не...

Я в своей жизни встречал много женщин. Так много, что даже не помнил лиц и имен. Я знал, что значит похоть, возбуждение и желание отодрать красивую шлюшку. Но иногда у меня не стоял, даже когда они раздевались и засовывали в свою щелку пальцы, стоя на четвереньках или раскинув ноги в разные стороны, пытаюсь меня соблазнить, иногда у меня падал прямо у них во рту или в процессе секса. И мне было по хер, что они подумают обо мне, я заставлял поднимать и дотраховывал потом часами, чтоб их дырки полыхали от бешеной стимуляции... Так вот я к чему... она в этих своих черных спортивных лосинах, кроссах с носками и футболке бесформенной, висящей на ней мешком, наклоняясь к ведру, возбуждала меня намного больше, чем голые шлюхи на сцене.

А еще внутри разливалось ядовито сочное чувство триумфа - все же не швалью сюда пришла. Не сосущей тварью и не крутящейся у шеста бл*дь. Волосы, вьющиеся крутыми кольцами, в хвост собрала, а меня заклинило на носках... как когда-то. У нее ноги стройные, икры точеные и эти носки, свернутые валиком, есть в них что-то трогательно-сексуальное. Я ее наклонил над этим ведром, в стенку впечатал и сзади долбился в нее, как бешеный оголодавший псих.

- И что она делает? Сказки читает? Передай ей, что я очень соскучилась, и мы договаривались, что она ляжет спать. Спасибо, Танюш, ты прям у меня такая... такая родная. Машутку поцелуй.

О ребенке говорит... и снова сукровица из дыр в груди засочилась. Этот ребенок моим мог быть, от меня. Счастливым и любимым нами обоими. И дело ведь не в том, что он чужой, бл*дь, встретить я ее с ребенком, я бы любил и ее, и ее ребенка, ее собаку и даже блох ее собаки. Я верил ей... я считал ее самым лучшим, что могло случиться со мной в жизни. Наш ребенок был для меня кем-то святым, чистым, неоскверненным, кем-то, олицетворяющим нашу любовь. Я ждал ее появления с диким трепетом... но я возненавидел их обеих, когда понял, что нет в них ничего чистого, когда присматривался к чертам лица девочки и искал свои собственные. Искал и не находил. А в кармане тест, а потом второй и

контрольным в голову третий.

Я мог ее убить. Я хотел ее убить. Задушить, ломая шейные позвонки, потом закопать во дворе своего дома и лежать там, сдыхать от тоски по этой твари. Но ее дочь заплакала, очень тихо, жалобно, и я разжал пальцы... Заорал, чтоб убиралась пока цела. Меня потом этот плач преследовал по ночам, и я рыдал как ребенок... потому что я до смерти хотел, чтоб этот ребенок был моим.

А она смотрела на лицо девочки и искала черты своего любовника, к которому ездила и до нашей свадьбы, и после нее. Кормила его на мои деньги... СУКА! Ненависть взвилась той же смолой кипящей, и я, неслышно ступая, вернулся в залу. Сел за столик и подозвал к себе управляющего этим дном. Увидев меня, Жермен, а на самом деле просто Жора, в обтягивающих зад и яйца салатовых штанах и белой майке с вывалившимися по бокам сосками, расплылся в заискивающей улыбочке. Видать, смотрит новости. Молодец Жора.

- Что угодно такому уважаемому гостю. Любой каприз за счет заведения.

Я повертел бокал в пальцах и сунул в рот сигару, тот тут же поднес к ней зажжённую зажигалку.

- Не люблю развлекаться за чей-то счет. Хочу девку одну, но она не шлюха. Она у вас тут полы моет.

Он удивленно отпрянул.

- Анька, что ли? Новенькая?

- Да, Анька. Стоит там у лестницы с тряпкой. Пусть ко мне в комнату-вип придет. Оплачу так, будто ты ко мне своих десять самых крутых девочек привел.

- Нуууу не вопрос, хотите ее - будет вам она.

- И позаботься, чтоб нам никто не помешал до утра.

- Не вопрос.

– И еще... пусть переоденется, как девки твои со сцены. Накину сверху еще штуку, если уломаешь.

Она жила на съемной квартире. Двухкомнатный клоповник, где две комнаты таковыми на самом деле не являлись и были сделаны из одной, разделённой перегородкой. Я проводил ее до самых дверей, и когда она уронила ключи, вместе с ней, как debil, бросился их поднимать. Боднул ее лбом. Потом мы ржали там вдвоем, сидя на четвереньках, и я чувствовал себя более пьяным, чем после бутылки скотча или виски. С ней рядом не нужен был ни один допинг. Она сама была как допинг. Оказалось, что у нее нет сотового... Я вообще не представлял, как можно жить без сотового. И ей некуда позвонить. Вы представляете? В наше время человеку некуда позвонить. Она это говорила с какой-то очень смущенной улыбкой и пожимала плечами, а меня это ввело в ступор, и я по-идиотски брякнул:

– А как мне тебя увидеть еще раз?

Она глаза синие на меня подняла и смотрит не отрываясь. Нет в ее взгляде кокетства этого, набившего оскомину, флирта, игры какой-то. Она искренне, восторженно смотрит мне в глаза, и я там в ее зрачках отражаюсь сдуревший, волосы торчком и тоже восторженный, как ребенок на празднике. И этот полет со скалы в бездну, когда понимаешь, что пи**ец уже случился, и обратной дороги нет. И жутко становится, что с ней он не случится. Даже несмотря на взгляд этот.

– Клубника понравилась?

И я точно знаю, что, если поцелую сейчас, у нее во рту вкус этой самой клубники. Губами если по ее губам провести, а потом обхватить нижнюю и втянуть жадно, пробуя на вкус – какая она там, с другой стороны, я непременно сойду с ума от адского концентрата клубники в своих венах.

– Ты, – наклонился к ее лицу, сам не понимая, что делаю, пристально вглядываясь то в один глаз, то в другой, и дух захватывает от стремительности, с которой я падаю вниз, – ты понравилась.

- Так быстро? - ресницы длинные дрожат, и я почти касаюсь носом ее губ.

- Почему быстро?

Дышит часто-часто, и клубника теперь везде вокруг меня горячая, до невозможности сексуальная клубника, которой она выдыхает мне в лицо.

- Может, домой пригласить?

- Пригласи...

От одной мысли о том, что сейчас впечатаяю ее в дверь и жадно вопьюсь в ее рот своими пересохшими губами, стало пульсировать в паху.

- Думаешь, с такими, как я, можно сразу? Да пошел ты!

Она увернулась, дверь как-то быстро открыла и исчезла за ней, захлопнув прямо у меня перед носом. Я даже опомниться не успел. Твою ж мать! Вот идиот! Напугал ее. Это я за ней месяц таскаюсь, а она меня впервые видит. Это я до озверения хочу ее запах на языке попробовать, а я для нее маньяк-извращенец похлеще того дебила в кроссах.

Я так и остался возле ее двери, руки в карманы и не знаю, что делать - постучать или уйти. Был уверен, что ментов вызовет или кричать будет. Простоял, наверное, около часа, еще столько же под окнами. Уехал домой и не мог о ней забыть. Перед глазами губы ее, как улыбается, как ест клубнику и салфетку мне дает, чтоб вытерся. Час общения, а я овощ. Ее овощ. Черт, я столько мозолей за ночь не натирал при первых стояках. У меня какой-то спермотоксикоз начался, даже в подростковом возрасте со мной ничего подобного не происходило. Мне кажется, я наяву чувствую этот умопомрачительный запах клубники, и от любого другого тошнить начинает. Все эти Шанели, Ричи, Гучи. Все на хер. Меня вставлял только ее запах. Я искренне завидую тем, кто шел к своей любви медленно, у кого были шансы свернуть, свалить вовремя, передумать. У меня ничего этого не было. Увидел, прикоснулся и заразился.

Как вы думаете, куда маньяк поехал прямо с утра? Правильно, к ее дому. Спрятал машину в кустах и красными, как у кролика, глазами высматривал, когда выйдет из подъезда. Вот так и становятся пациентами психиатрических клиник – встречают другого человека и сходят с ума. Просто потому что в эту секунду тебя больше нет, на свет рождается что-то другое, болезненное и неправильное и тем не менее самое красивое в моей жизни. Как, впрочем, и самое уродливое впоследствии. Она вышла не одна, а со своей соседкой, похожей на Мерлина Менсона, волосы фиолетовые, ботинки на каком-то безумном каблуке, вся «забитая», губы черно-красные. Интересно, что между ними общего? Хотя какая мне разница.

Я на автомате вдавил педаль газа и ломанулся на своей спортивной «куколке» прямо за ними, догнал и с довольной рожей, перекрикивая музыку, предложил подвезти. Мерлин Менсон похлопала ресницами и сложила рот в траурный бантик, а Нюта посмотрела своими синими глазами так, словно я не подвезти предложил, а потрахать. И это было для нее охренеть как оскорбительно.

– Ты следишь за мной? Ты что больной? Никто никуда с тобой не поедет. Я вспомнила, где тебя видела. Это какой-то спор или прикол? Отвали, понял?

– Аньк, ты чего? Поехали, мы ж проспали, и маршрутка теперь черт знает когда приедет.

– Я лучше опоздаю...

Потащила Менсона за собой, та только и успевала каблуками перебирать, оборачиваясь на меня, надувая пузыри из жвачки и пожимая плечами. А я сидел и улыбался. У меня к физиономии прилипла эта тупая улыбочка. Девочка в белых носочках меня сделала, как лоха. Просто щелчком пальцев прямо в грязь. Так меня еще никто не посылал. Чтоб глядя в глаза и открытым текстом. Обычно у девочек от вида моей тачки мокрели трусики и вставали соски, а от вида моей физиономии вблизи они сразу опускались на коленки, чтобы принять меня в рот с таким видом, будто на них снизошла манна небесная. И мне нравилось распылять в их силиконовые губки свое естество. Я привык к этому раскладу, он меня более чем устраивал... и сейчас мне казалось – эта малышка с кукольными глазами и локонами размазала меня по асфальту. Смотрел ей вслед и исходил слюной на ее попку, затянутую джинсами, и длинные ноги.

Пи**ец какой-то. Ошалевший дал по газам и промчался мимо них, на ходу закуривая и врубая музыку. Заехал к одной из всегда готовых и согласных, из инстаграмовской фан-группы Гоши Шумного, сына олигарха и владельца самой крутой тачки в городе, отодрал прямо у двери, кончил ей на огромные, прыгающие в такт толчкам силиконовые шарики, покручивая неестественно длинные соски и раздумывая о том, что их тоже вытягивают как-то, или с ними ей все же подфартило от природы? Нет, я не представлял себе Белые Носочки, я просто грязно трахался и сбрасывал напряжение, и ни хрена не сбросил. Швырнул на стол деньги, чмокнул обладательницу шаров в щеку, избегая целовать раздутые губы – черт его знает, в чем еще фан-клубе она состоит.

– Я наберу тебя, Лер.

– Хорошооо, набери. Только я не Лера – я Света.

Да хоть Оксана. Какая разница, главное, чтоб не Славик или не Артем, а то сейчас нарваться, как два пальца.... Съездил к отцу в офис, послушал скучную лекцию, позевал, прикрывая рот рукой, и смылся, пока все вышли на перекур. Опять сидел в машине недалеко от ее дома... психовал, потому что она не возвращалась, и я проклинал себя, что не подождал ее у универа. Внутри такая ярость бешеная поднималась от мысли, что у нее какая-то своя жизнь, и в ней вообще нет места для меня, и, скорее всего, есть какой-то урод, с которым она встречается и даже спит. Уроду заочно оторвал яйца, отрезал член и сломал ноги и руки. Выкурил, наверное, целую пачку, пока вдруг не увидел Менсона с плеером в ушах и рюкзаком кислотного-сиреневого цвета. Выскочил из тачки и за ней. Когда за руку схватил, она заверещала, но едва меня увидела – узнала и притихла.

– Помнишь меня?

Кивнула. Так же жвачку жует, надеюсь новую. В темноте точно Менсон. Интересно, лет восемнадцать назад он приезжал к нам с гастролями, или это крутой косплей?

– Подружка твоя где?

– А ты этот, да? Ты Гоша Шумный?

Кажется, меня клеит вот это нечто, ну или пытается склеить. Мерлина Менсона я мог только слушать, трахнуть бы точно не смог, и его женская копия меня не впечатляла.

- Смотри, видишь сколько здесь бумажек?

Развернул веером три стодолларовые купюры. Она приоткрыла рот и кивнула.

- Сколько?

- Трии.

- Ты мне говоришь, где твоя подружка, а я нечаянно уроню бумажки на землю, а ты подберешь. Скажешь - нашла.

Когда я шел обратно к машине, она крикнула мне далеко не Менсовским голосом:

- Так ты Шумный или нет?

Я ей не ответил, запрыгнул в тачку и повернул ключи в зажигании. Я ехал в какую-то забегаловку под названием «Три тополя», где моя девочка с синими глазами, оказывается, работала официанткой. Я в такие места не хожу обычно. Не ходил. Теперь еще как хожу. Я уселся за один из деревянных столиков и принялся лихорадочно оглядываться по сторонам. У бара три алкаша, кстати, заведение вполне можно было назвать именно так, судя по его контингенту. За столиками не пусто, но и не густо.

Увидел ее с подносом в милом фартучке зеленого цвета, в бейсболке и обо всем забыл. Плевать - где сидеть, хоть в вареничной на вокзале, лишь бы она обслуживала мой столик. Ко мне идет. Сердце забилося так, словно я втянул сразу несколько дорожек кокаина или залпом выпил полбутылки виски. Она голову подняла, посмотрела на меня и тут же, опустив поднос, направилась обратно «за кулисы». Твою ж мать! Но почему? Что не так-то со мной? Через несколько минут ко мне подошла другая официантка.

- Добрый вечер, помочь вам с меню?

Прищурился и посмотрел ей прямо в глаза.

- У вас работает девушка Аня, передайте ей, что я сделаю заказ только у нее.

Через несколько минут «моя не та» официантка вернулась.

- Простите, но у нас у каждой свой столик, и у Ани уже есть несколько. Она не сможет обслужить еще один.

Поманил ее к себе пальцем, и когда она наклонилась, сунул ей за пазуху деньги.

- Пойди в туалет, сделай вид, что тебе очень плохо, и уйди домой.

- Но... но нас всего двое сегодня. Она не справится.

Я сунул еще одну купюру и заглянул в темно-карие глазки. Очень милые. Еще месяц назад меня бы вполне удовлетворила именно она во всех смыслах этого слова. Ведь я еще был здоров.

- Просто уйди домой, а я разберусь с этим.

Спустя минут двадцать, я потягивал свою собственную минералку и смотрел, как милая девушка с карими глазками уходит, очень талантливо согнувшись пополам с невероятным страданием на лице.

Аня подошла к моему столику не сразу. «Поморозила» меня еще четверть часа. Демонстративно с грохотом положила передо мной меню, а я расхохотался, откидываясь на спинку стула.

- Не смешно. Ты правда маньяк? Мне начинать тебя бояться?

- Бойся, - я совершенно честно ответил на ее вопрос и отодвинул от себя меню, - я, правда, маньяк.

Глава 6

– Увольняй! Никуда я не пойду! – попятилась к стене, споткнувшись о ведро, чуть не упала. – Вы с ума сошли все? Что вам от меня нужно! Я ни к кому не пойду!

Жермен пришел не один, привел двух охранников, они втроем зажали меня у стены возле лестницы. Я к ней спиной прижалась и смотрю на них по очереди. Поверить не могу, что со мной это происходит. В первый же день работы. Ведь было внутри ощущение, что нельзя сюда идти, что добром это не кончится. Но какие, к черту, предчувствия, когда меня наконец-то взяли и даже пообещали аванс в первый же день, и пусть парень, который назвался Жерменом, при мне вдыхал дорожки какого-то порошка со стола, я схватилась за эту работу и в упор не хотела ничего видеть. Я думала только том, чтобы тете Соне хотя бы на еду дать и начать жилье искать.

– Пойдешь, сука! Раздень ее!

Кивнул на меня, потрянув длинным чубом, и смотрит своими мутными глазами, подтягивая рукава кислотного цвета свитера чуть выше локтя. Руки худые, в татуировках и несколько браслетов на запястье звенят.

– Та ладно, Жор, уймись... она ж не из этих.

Сказал один из охранников и на меня быстро посмотрел. В глазах промелькнула жалость, и я ухватилась за нее, как за спасательный круг.

– Да... не из этих. Пожалуйста!

И все еще понять не могла – зачем я им, почему вдруг меня заставляют идти к какому-то клиенту. Я всего здесь пару часов, и меня не видел никто. Я не накрашена, одета, как попало. Я не могла привлечь чье-то внимание во всем этом.

– Та по хер, из каких! Ты знаешь, кто у меня там сидит? Я ее лично, суку, раздену и приволоку к нему за волосы. Хочешь, чтоб нас закрыли, и Шаня тебе и мне яйца оборвал? Он ее захотел. ЕЕ. Так что пусть идет и отсосет ему, или чего он

там хочет. Давай, Ден, убеди девочку раздеться или раздень ее сам.

Один из охранников, лысый здоровый боров, посмотрел на другого и двинулся на меня. У этого уже никакого сочувствия в глазах не было, совершенно отморозенный взгляд. Ему приказали – он делает. Если ударит, от меня мокрого места не останется.

– Ребята, пожалуйста. У вас же девочек много. Я... же не из ... не из таких... я прошу вас! У меня ребенок маленький дома, я уберу здесь все и уйду.

Но меня схватили за волосы и впечатали в стену с такой силой, что из глаз искры посыпались и подогнулись колени.

– Слушай сюда, соска драная. Ты знала – куда шла. Не в магазин и не в кондитерскую, и не в детский садик. Ты пришла туда, где девочки перед большими дядями за деньги ноги раздвигают. Если тебе скажут сосать – будешь сосать! Ты аванс свой хочешь? – Жермен подошел ко мне сзади и тонковатым голоском на ухо пищит, потом за волосы дернул и о стену ударил головой так, что перед глазами потемнело и губу засаднило, развернул к себе. – Дам больше, если сделаешь, как сказал, и клиент доволен останется! Быстро разделась и пошла. Похороню суку, если что-то не так будет!

От ужаса у меня все узлом в животе скрутило и дышать стало нечем. Тронула губу, на пальцах кровь осталась. Перевела взгляд с Жермена на охранников и обратно.

– Пожалуйста, я прошу вас, – очень тихо, чувствуя, как по щекам слезы катятся. – Я ничего не умею и не знаю.

– Я сказал – раздеться, или тебя пацаны по кругу пустят. Бесплатно. Для повышения квалификации и опыта.

Я всхлипнула, а он отпустил мои волосы.

– Размер обуви какой?

А меня трясет, зуб на зуб не попадает, и я понять не могу, что он от меня хочет. От страха болит низ живота, и сердце как клещами зажато. Только бы не сделали со мной ничего... все можно пережить. Я переживу. Мне домой надо. К Машеньке.

- Тридцать седьмой.

- Неси туфли, Фил. У девок возьми. Давай, сучка, в темпе.

Я стянула вещи с себя, как в каком-то трансе, пытаюсь как-то скрыться от их взглядов, отвернуться к ним спиной, прикрываясь руками. Это даже не страх, это панический ужас и шок. Мне помогают, выдирая из рук футболку и отбрасывая лосины в сторону под лестницу.

- Я сама. Не трогайте меня. Не надооооо.

- Трусы свои позорные и лифчик допотопный тоже снимай! Снимай, бл*дь! Не то сейчас пацаны с тебя снимут. А она ничего, а, Фил? Быренько ты туфли подогнал. Этот не зря на нее глаз положил. Сиськи большие и задница сочная. А с виду худая, все под своим мешком спрятала. У тебя не встал, м? На Аленку нашу похожа... тебе ж нравятся такие блондиночки сиськастые. Я б ее натянул.

- Натянешь потом. После нашего гостя. Давай, переодевайся, сучка!

Я быстро натягивала на себя трусики, больше похожие на две нитки, блестящую короткую юбку и эластичный топ. Они даже не смотрели на меня, ржали, курили. Насмотрелись, наверное, на тех, что на сцене, а мне до них далеко. Только почему-то это не имело сейчас никакого значения. По лестнице спустились несколько танцовщиц и равнодушно прошли мимо.

Я хотела крикнуть, а потом вдруг поняла, что всем плевать... а я сама виновата. Я не должна была лезть в это место. Должна была понимать, что такое может случиться. Дура. Почему я всегда такая дура. Дрожащими руками застегнула босоножки на высоких каблуках, чуть ногу в них не свернула. Подонки повернулись ко мне, и лысый присвистнул.

- Че? У нас даже уборщицы те еще куколки, а? Шаня доволен будет.

Жермен схватил меня под локоть.

– Если все пройдет хорошо, получишь хорошие деньги, поняла? А что не так – укропаю, усекла? Все! Пошла!

Кивнула, глотая слезы, подворачивая ноги на лестнице, меня волокли под руки. Я от страха даже сопротивляться не могла. Мне казалось, я снова в каком-то кошмаре, как когда-то очень много лет назад, когда Егор выгнал меня из дома, и я так и осталась стоять на улице с сумкой и дочкой на руках.

По коридору шла, оборачиваясь назад, в какой-то беспомощности и жалкой надежде, что кто-то увидит, вмешается, а стук каблуков тонул в красной ковровой дорожке, пальцы охранника стискивали мою руку до синяков, дотащил до какой-то двери с серебристыми буквами «ВИП 6» и втокнул в нее за затылок.

Я с трудом удержала равновесие и на мгновение словно ослепла от неоновой лампы от светящегося шара под потолком. Позади что-то щелкнуло, и я поняла, что закрыли комнату снаружи. Невольно забарабанила в дверь.

– Выпустите меня! – в истерической попытке подергала ручку.

– Я же говорил, что панель – это твое место. Здравствуй, Аня.

От этого голоса наяву и настолько близко в замкнутом пространстве по коже прошел очень болезненный разряд электричества. И тут же волной едчайшей и неразбавленной ненависти вместе с пониманием. Как же я не поняла сразу, кто все это придумал, не поняла, чьих рук это дело. Кто загонял меня, словно дичь, в свой капкан и ждал, когда я в него попадусь и... я все же попалась. Медленно обернулась, глядя на него из-под спутавшихся и прилипших к заплаканному лицу волос.

– Как и твое среди шлюх.

Сидит в кресле. Хозяин жизни в темном костюме, ноги широко расставлены, руки на спинке, и первые пуговицы белой рубашки расстегнуты. В неоновом свете она не просто белая, а светящаяся, как и белки его глаз. Кожа контрастом темная... он всегда был смуглым. К нему загар цеплялся даже зимой.

«- Шумаков, скажи мне – ты ходишь в солярий?

- А ты?

- Что?

- Если ты ходишь, и я хожу. В твой.

- Не хожу.

- Я знаю... хочешь пойти?

Пальцы с моими сплетает и в глаза смотрит невыносимо пристально, даже не моргает. Красивые у него глаза. Светлые, нежные... даже взглядом ласкать умеет, а иногда и сжигать в пепел, так что стонать от возбуждения вслух хочется.

- Нет. Я просто спросила. У тебя кожа смуглая.

- Правильно, не надо в солярий. Мне нравится, когда ты такая белая. Нравится быть на тебе темным... когда руку на грудь кладу, и контраст этот, пиз**ц.

- Перестань! Я же о другом говорила.

- Почему? Представила, да? Что представила? Как ласкаю тебя?

- Перестань! Мы же в кафе!

- И что? Оближи губы, Ньютааа...»

Как же я любила его тогда. До безумия, до исступления. Нельзя так любить, правильно мама говорила. Нужно себя себе оставлять. Не отдаваться всей душой. А сейчас моя ненависть плескалась и выплескивалась наружу. Мне кажется, ею пропитался воздух вокруг нас. И у нее даже запах есть. Она воняет сгоревшей проводкой, и мне кажется, я вся дрожу от нее.

– Как давно ты себя причисляешь к шлюхам? А где же «я не такая, я жду трамвая»? Как раньше?

Затянулся сигаретой и усмехнулся, зубы сверкнули в полумраке, и он всколыхнул лед в бокале.

– Чего ты хочешь от меня?

– Сейчас или вообще?

Очень сильно работали кондиционеры, и мне казалось, что я превращаюсь в кусок льда. Я еще никогда не видела у него такого жуткого выражения лица. Даже когда выгнал меня, не смотрел вот с этим ледяным цинизмом, замораживая меня на кристаллы и заставляя бояться. Вдоль позвоночника словно прошлись иглами, вгоняя их под самые кости и заставляя выпрямиться, напрягаясь всем телом.

– Вообще, – очень хрипло.

– Я и сам не знаю. Но точно знаю, чего хочу от тебя сейчас. Иди на сцену, Аня.

Судорожно сглотнула, и хочется заорать, броситься на него с кулаками, но меня останавливает этот взгляд, которого раньше я никогда не видела – замерзшая ртуть или иней поверх стального клинка. Отрицательно качнула головой. А он открыл портмоне и достал несколько купюр, положил на стол.

– Тебе ведь нужны деньги?

И я понимаю, чего он добивается – чтоб я доказала своим поведением, что он не ошибся – я шлюха.

«Шлюха! С кем трахалась? С кем, твааарь?! Я убью тебя! Слышишь, мразь? Я тебя убью? С кем, мать твою? Чья она?»

Вздрыгнула, выныривая из воспоминаний, и процедила сквозь зубы:

– Пошел ты!

Склонил голову к плечу, усмехаясь. Вся его былая эмоциональность исчезла, и вот эта циничная ухмылка с тяжелым взглядом из-под полуопущенных век заставляла покрываться мурашками и подрагивать.

- Ты отсюда выйдешь, только когда станцуеться, Аня. Если на это потребуются сутки - ты будешь стоять на этой сцене сутки. Двое суток - значит, двое. Неделя - значит, неделя. Без воды, еды и туалета. Тебе ведь надо домой к дочери?

- Ублюдок!

- Так обычно называют детей, рожденных вне брака или от другого мужика? Верно? Я вроде был рожден в браке и от своего отца... МОЯ мать шлюхой не была.

Не договаривает, давая мне прочувствовать каждое слово. И то, что спрятано между строк. И у меня щеки полыхают, как от ударов... как тогда, когда бил бумагами по лицу, а потом ладонью наотмашь, швырнув мне результаты проклятого теста. И сейчас он меня бил еще раз только уже намного чувствительней, потому что просчитал каждый удар.

- Иди на сцену, Аня. Ты ведь еще не разучилась двигаться? Станцуеться, разденешься догола, возьмешь деньги и свободна. На сегодня.

- За что? Что я сделала тебе, спустя пять лет? Ты ведь уже успел забыть обо мне!

Опрокинул бокал до дна и затушил сигарету в пепельнице, медленно поднял на меня взгляд:

- Давай, я жду! А я очень не люблю ждать.

Посмотрел на часы, а потом снова на меня.

- Каждая минута моего ожидания - равна часу. Буду ждать пять минут - ты просидишь здесь пять часов.

Глава 7

Я ждал, какое решение она примет, рассматривая ее тело в неоновом полумраке. С какой-то исступленной жадностью. Ни черта не изменилось, оно по-прежнему такое же гибкое, стройное, сочное и до одури желанное: длинные ноги, тонкая талия и тяжелая, полная грудь, бешено вздымающаяся под блестящими тряпками. Нет, они ей не подходили. Слишком дешево и вызывающе. Я помнил, как она выглядела в сногшибательных эксклюзивных нарядах, в которые я любил её одевать и любоваться ее красотой, шалея от осознания, что она моя. И все равно даже в них она какая-то необыкновенно бесценная, особенная. Как и тогда – на остановке в белых носочках, которые бодрили покруче чулок или туфель на шпильках. Так и сейчас – все эти блески смотрелись на ней лишними, и в тоже время ее ничего не могло испортить, и я не солгал, когда сказал, что она уже не та... потому что она, бл*дь, лучше себя в прошлом. Как будто на портрет в моих воспоминаниях нанесли свежие краски, делающие ее ярче, ослепительней, красивее. Назло мне.

Когда-то я имел на это тело все права. И, как оказалось, не только я, мать ее. Сучку эту, которая мне разъела мозги, как раковая опухоль. Я думал, что я даже не в ремиссии, что уже все кончено, но ни хренааааа, стоило только приблизиться к ней, и все полетело к дьяволу. И мне хочется причинить ей боль, увидеть, как она исказит черты ее лица.

Смотрю на нее, разглядывая стройные ноги с тонкими лодыжками и аккуратными икрами, идеальные колени, округлые бедра. А глаза кровью наливаются от похоти, которая скручивает все тело волнами накатывающего сумасшествия. Не изменилась совершенно, все такая же красивая тварь, такая же нежная кожа и до безумия сексуальная фигура. Сочетание кукольной идеальности и в то же время чисто женского мягкого очарования. Женщина-ребенок. Взгляд ангела и улыбка порочной сучки. Я уже забыл, как она улыбается.

Могла ведь измениться за эти годы, истаскаться. Должна была. Я хотел этого каждый раз, когда вспоминал о ней. Хотел, чтоб ее било жизнью. Чтоб трепало и топило на самом днище. Но она, видать, прекрасно жила без меня. Сколько у нее было кобелей? Наверняка не счесть. Надо своим дать задание – узнать, кого она

в свою постель приваживала, а может, приваживает и сейчас. Вряд ли эта шлюшка была одна. Такие одни не остаются.

– Не надо, Егор. Не поступай со мной так. Я возненавижу тебя еще больше, если такое возможно, – сказала очень тихо, глядя на меня издалека.

Не поступать с ней так? А как она потупила со мной? Или только потому что она женщина, она имела право наставить мне рога, наградить чужим ребенком, а я должен был содержать эту мразь и ее отродье? Нет, бл*дь, я не само благородство, и я искренне желал ей сдохнуть. Как, впрочем, и себе. Больше месяца после ее ухода я был похож на живой труп, вечно мертвецки пьян, а когда трезвый, то трясся от абстинентного синдрома и орал, как раненное до смерти и бьющееся в агонии животное. Мать тогда повезла меня к какому-то старику в глубокой деревне, и тот отпаивал меня отварами, говорил со мной о жизни. Много умных вещей говорил, а я его слушаю и ощущаю себя живым мертвецом, которого подняли из могилы. И она мне здесь о ненависти какой-то бормочет. Да что она о ней может знать, проклятая дрянь, вонзившая мне нож в спину? Она слишком ничтожна для того, чтобы прочувствовать все грани того чёрного и жгучего яда, который разъел мне кости.

– Думаешь, для меня имеет значение, что именно ты чувствуешь? Время пошло, Аня.

– Будь ты проклят, Шумаков! Я хотя бы могу сказать тебе в лицо, как всегда ненавидела и презирала тебя! Будь ты проклят, подонок! Я все эти годы надеялась, что ты умер в страшных мучениях. Разбился на машине или сдох от передоза со своими друзьями!

Где-то внутри меня еще один я, тот слабак, который выжил, несмотря на то что я закапывал его вместе с ней на кладбище воспоминаний, согнулся пополам и рухнул на колени, корчась с мучительным стоном. А оказывается, мне все еще адски больно. И нет никакой брони, которую я думал, что отрастил за все это время. Каждое ее слово, сочащееся ненавистью, как удар ножа в ту самую вечно гниющую и пульсирующую нарываами рану, и она всего лишь затянулась коркой, которую эта сука вскрывала одними лишь словами, и внутри все шипело и пенилось от яда, сжигающего мне вены. Когда-то вот эти самые губы шептали о любви, умоляли, выстанывали и кричали мое имя, целовали, ласкали. И я был самым счастливым идиотом на свете. Ее тихое «я так сильно соскучилась по тебе, Егор... так сильно, что мне кажется, я умерла и воскресла снова». Только

за это я мог убивать ее снова и снова. Стрелять в упор в ее лживое сердце каждый раз, когда у меня в голове она произносила эти самые слова.

А сейчас? Сейчас я превратился в рухлядь и гниль в оболочке человека, и это не она униженно стоит там на сцене, а я ментально стою перед ней на коленях и хочу получить хотя бы суррогат прошлого безумия, это я все еще бегаю за ней, все еще иду по ее следу верным псом, которого не просто предали, а раздавили колесами и проехали вперед-назад, а он выжил и теперь оскаленный, больной от своей собачьей злой любви идет по ее следам, чтобы рвать на части своего палача, а потом зализывать ее раны и где-то в душе искренне надеяться, что она протянет руку погладить зверя по морде... но вместо этого она метко наносит удар за ударом, прямо под ребра, туда, где все и так ею разворочено. Ну нет, сукааа, в этот раз я не буду корчиться один, я сожгу тебя дотла. Обглодаю твои кости. Я буду грызть их медленно и долго. Потому что несмотря на адскую боль, я рядом с тобой снова живой. Даааа, наконец-то, за все эти пять лет я вылез из-под земли и, как голодный упырь, жаждал нажраться ее крови, и снова стать человеком, а не полусгнившим трупом.

- Танцуй, - сделал глоток виски, глядя, как она поднялась на маленькую круглую сцену с неоновой подсветкой. Каблуки стучат по блестящему пластику, и ее ноги, затянутые в чулки, отражаются в зеркальной поверхности. - Подожди! Волосы распусти!

Потянулась за заколкой, сняла и зло швырнула в мою сторону. Поймал на лету и положил на столешницу. Когда-то меня сводили с ума ее волосы - длинные, густые, вьющиеся непослушными кольцами. Они змеились по мне, когда она скакала сверху на моем члене, развернутая ко мне спиной, а я яростно нанизывал ее на себя, прихватив густую шевелюру в кулак и заставляя Аню изогнуться назад, зверея от вида ее ягодиц, ударяющихся о мой пах, от вида своего блестящего от соков члена, поршнем входящего в матово-белое тело. Бл***дь, это был самый бешеный секс в моей жизни. Потому что я не трахал ее - каждый раз я иступленно ее любил. Разными способами, самыми пошлыми и извращенными, самыми грязными и в тоже время кристально чистыми. Говорил ей "трахать хочу тебя, Ньюта, драть на частииии"... а думал о том, что любить ее буду, zalюбливать до хрипоты, до срыва голосовых связок.

Она начала двигаться там на сцене... безжизненно вертеть задницей, как обдолбанные малолетки на танцполе, похожие на шатающихся зомби. Ходит вокруг шеста, виляет бедрами не в такт музыке.

– Поживее. Меня не заводит. У меня не встает, когда ты ползаешь там, как черепаха.

Лжец. Жалкий лжец. У меня встал, едва она сюда вошла, и стоял так, что казалось, меня разорвет на части от адского возбуждения.

– Как умею.

– Умеешь. Не лги. Когда-то я тебя забирал с твоих дурацких подтанцовок, где ты задницей рисовала восьмерки. Или думаешь, у меня отшибло память?

– Не помню, как. У меня отшибло. Это было слишком давно.

И продолжает двигаться, как кукла с несгибающимися руками и ногами, и бесит меня этим. Нарочно бесит.

– Танцуй, я сказал. Нормально танцуй. Не то я эти минуты засчитаю тебе в долг. Работай. Я заплачу, если мне понравится. Или я сейчас закрою тебя здесь до завтра и приду вечером – посмотреть, как ты научилась танцевать. Давай! Возбуди меня.

Она начала двигаться намного живее, напоминая те времена, когда я сдирал ее после ссоры со сцены клуба, где ее сочное тело извивалось охрененно сексуально под любую музыку назло мне, а потом она, стоя на коленях в туалете, брала у меня в рот, а я собирал ее волосы в хвост на макушке и вонзался ей прямо в горло, вспоминая, как на сцене вертела упругой попкой, затянутой джинсовой мини-юбкой, и злился, как дьявол, за то, что другие мужики это тоже видели и исходили на нее слюной. Рядом с ней я превращался в ревнивого безумца. От одной мысли, что кто-то ее тронет своими грязными руками, у меня крышу срывало. Я мог за это убить. Реально забить насмерть только за одно прикосновение к моей девочке. А она... ее не просто трогали, ее еб*л какой-то урод и заделал ей ребенка.

Когда она потрянула головой, ритмично двигая бедрами и наклоняясь вперед так, что я увидел ложбинку между грудями, у меня мучительно заныло в паху, и поджались яйца от невыносимого желания посрывать с нее все тряпки и трахать прямо на этой сцене или на столе. Да по хер – где. Я не просто соскучился по

ней, я, оказывается, осатанел без нее, окончательно спятил и обезумел. И мне херово, смотреть на нее настолько чужую... меня как током бьет и рвет нервные окончания от одного понимания – все это долбаная игра, которую я же и придумал. Она никогда не стала бы танцевать для меня... да и раньше делала это только потому, что хотела захомутать самого Шумакова.

– Раздевайся!

Сбилась с ритма. Остановилась и смотрит на меня.

– Помочь? Или сама? Юбкуними.

Просто смотрит мне в глаза и не двигается, а я издалека не вижу выражение ее лица, вижу только это тело, отсвечивающее в неоне и прикрытое лишь блестящими тряпками, которые спрятали от меня то, что жаждал увидеть немедленно. Встал с кресла, ощущая, как болезненно впилась ширинка в мой каменный стояк. Зажал сигарету зубами и пошел к ней, размешивая лед в бокале. Попятилась назад, но кроме шеста там ни черта нет. Облокотилась о него и смотрит на меня... а я, чем ближе подхожу, тем бешеной колотится сердце или то, что эта сука от него оставила пять лет назад. Дергается, подпрыгивает, ранится о ребра.

Еще несколько шагов, и брови сходятся на переносице. Теперь я вижу, что ее лицо блестит, щеки мокрые от слез? Подошел еще ближе, поднялся на две ступеньки и стал напротив. Так близко, что до меня доносится запах ее волос. Все тот же запах клубники, что и когда-то. Невыносимо едкий и сильный. И мне до боли в скулах захотелось зарыться в них лицом. Я изголодался по ее запаху, я по нему иссох, как в вечную засуху. Глоток... Ньютааа, глоток дай. Потом я буду тебя потихоньку закапывать. Вначале несколько глотков, чтоб самому вынырнуть из мрака.

Непроизвольно вытер слезы с ее лица... дорожки ее ненависти ко мне на бледных щеках, глядя в огромные синие глаза, наполненные влагой и отчаянной злостью. Зато честно, Егор, зато наконец-то каждая эмоция правдива, и пусть это будет даже ненависть. Опустил взгляд на ее губы и почувствовал, как внутри взметнулось что-то черное и жуткое – нижняя губа разбита. Автоматически повернул ее лицо в разные стороны – увидел синяк на правой скуле и выдохнул через стиснутые челюсти.

– Ктоооо? – проревел, не узнавая свой голос.

– Те, кому ты приказал привести меня сюда. После тебя обещали пустить по кругу... разве ты не этого хотел?

Я ее почти не слышал – перед глазами все затягивалось красным маревом, как обычно, когда меня клинило и в башке что-то со щелчком переключалось. Палец продолжал гладить ее нижнюю губу, а я уже нащупал в кармане свой сотовый.

– Я хочу, чтобы завтра на месте клуба Каприз начали строить торговую площадку. Да. Завтра. Деньги любые. И еще – когда я выйду отсюда, чтоб здесь уже никого не было. Пусть музыку включают погромче и вышвырнут всех до единого, всех блядей и их мудаков на улицу. Хозяина и его упырей сложи для меня где-нибудь в сторонке, я к ним наведуясь завтра, когда появится время. И чтоб ни одна тварь не смылась. Отвечаешь за это лично, Боря.

Спрятал сотовый обратно в карман, с удовлетворением глядя, как округлились ее глаза и слегка приоткрылся в ужасе рот. Да, маленькая, я теперь нечто другое. Далекое уже не тот лох, которого ты развела так умело и так быстро.

– Больно? – потрогал скулу и нащупал шишку сбоку на ее лбу. Ублюдки, видать, приложили ее головой о стену. Завтра линчую каждого.

– Тебе какое дело? – и слезы злые продолжают в глазах блестеть.

– Верно. Никакого. Раздевайся. Я хочу видеть тебя голой. По кругу не пустят. Я жадный, Нюта, ты разве забыла? Я буду пользоваться тобой сам.

Не раздевается, смотрит на меня, тяжело дыша, слезы не катятся, они застыли в глазах, и я готов ее за них ударить сам. За слезы отвращения и гадливости от понимания, что я увижу ее раздетой. Да, мне можно ее наказывать. МНЕ можно делать с ней все, что угодно. Но ни одна мразь не может тронуть ее и пальцем.

Рванул на ней блестящий топик и задрожал всем телом, увидев ее голую грудь. Тяжелую, упругую с темными резко очерченными сосками. Как же мне нравилось всегда смотреть на ее грудь. Где-то вдалеке раздавались крики и звуки ударов, они просачивались даже сквозь громкую музыку.

- Будешь насиловать? Теперь ты способен даже на это?

Выплюнула мне в лицо, вздернув подбородок и тяжело дыша.

- Возможно... но не сейчас. Не здесь, Аня. Здесь ты обслужишь меня так, как обычно обслуживают в вип-комнатах. Или ты не попадешь сегодня домой, а может, не попадешь туда и завтра.

Прихватил ее волосы и застонал от того, как заскользили тугие локоны между пальцами. Сильно сжав, вынудил ее опуститься на колени и усмехнулся, увидев ужас в ее глазах.

- Что такое, память действительно отшибло? Или я плохо тебя промотивировал? Раньше, видать, было лучше, когда ты собиралась стать мадам Шумаковой, тянулась к ширинке сама и рот открывала, едва я его вытаскивал.

Потянул за змейку, задыхаясь от вида ее голой груди и широко распахнутых глаз. Бл***дь, я готов был спустить только от того, что ее соски сжались от холода и страха. Нет, я не собирался трахать ее в рот, я вообще не собирался ее трахать в этом месте, но я хотел увидеть, как исказится от унижения ее кукольное лицо.

Спустился на одну ступеньку назад и еще на одну так, что мой зудящий от возбуждения член уперся ей в грудь. Заскользил по шелковистой коже. Одной рукой я продолжал держать ее волосы, а другой сжал ноющий, каменный член и повел по ее соску, заставив дернуться в моих руках, и дернулся сам с хриплым стоном. Из глаз словно искры посыпались. Чистейшее, ничем не разбавленное удовольствие. Круче даже, чем полноценный секс с другими женщинами. Да, вот так. На коленях передо мной. Глаза закрыла, а я тряхнул за волосы, не прекращая двигать ладонью по стволу, сдавливая, чтоб не кончить, и цепляя пульсирующей головкой ее вытянувшиеся соски.

- На меня смотри. Грудь сожми. Двумя руками и на меня. Да! Вот так!

Член скользит вперед и назад, и я чувствую, как подкатывает оргазм, как печет затылок и изнутри дымится мясо и даже кости. Вот так. Вот, где твое место! Стоит там внизу, как последняя шлюха, и мой член поршнем ходит у нее в ложбинке между полных полушарий, а я - то на него смотрю, то ей в глаза и

двигаюсь все быстрее, перехватил член у основания, перед тем как брызнуть первой струей триумфа на ее торчащие соски и тереться о них, пачкая ее тело собой, закатывая глаза от невыносимого наслаждения, словно изнутри разорвался на молекулы запредельного кайфа, и каждое сухожилие начало потрескивать в пламени адского удовольствия. Когда последняя капля упала на самый кончик ее груди, я потрепал ее по щеке и отпустил волосы. Отвернулся, чуть пошатываясь и застегивая на ходу ширинку. Подошел к столу, налил себе в бокал виски, сделал жадный глоток, ноги все еще ватные, и тело подрагивает после оргазма, только во рту след едкой горечи остался, отравляя послевкусию отголосками разочарования... потому что помнил, как бывает с ней иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/tvoi-ne-rodnye

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)